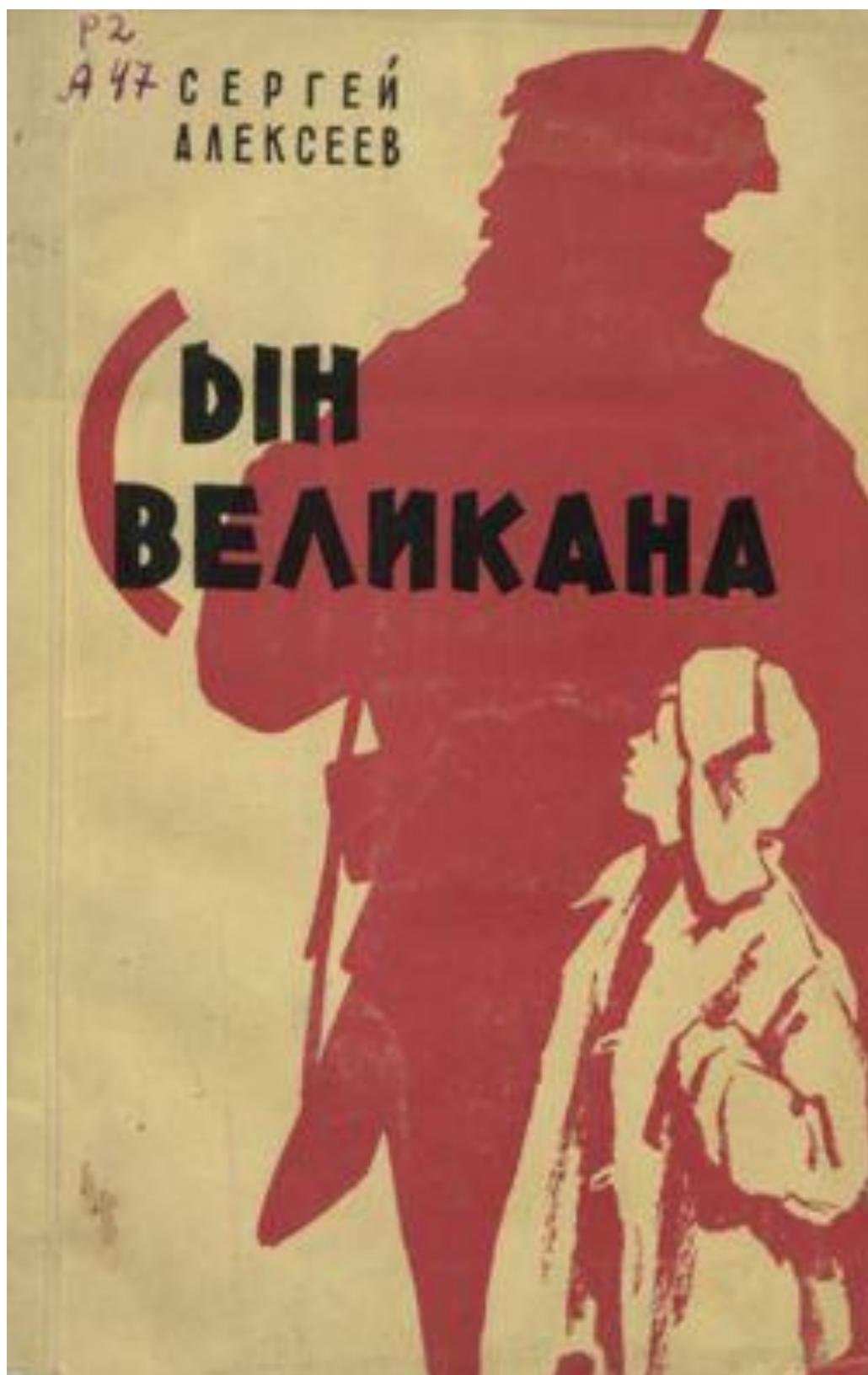
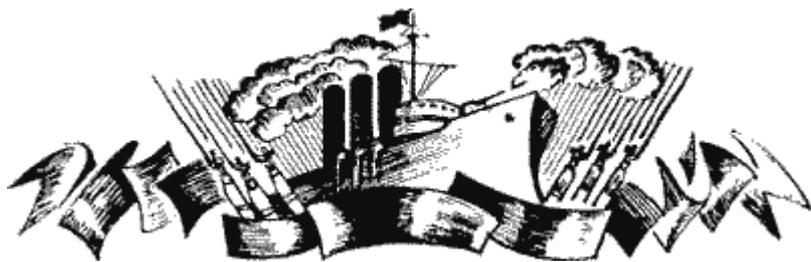

Алексеев Сергей Петрович
СЫН ВЕЛИКАНА

1917 год. Февраль. В России происходит революция. Трудовой народ свергнул ненавистную власть царя. Но власть в стране не досталась рабочим и крестьянам. Её захватили капиталисты и помещики.

Они по-прежнему угнетали трудовой народ. Большевики призывали рабочих, крестьян и солдат продолжать борьбу.

О событиях, которые происходили в нашей стране весной, летом и осенью 1917 года, о необычной судьбе петроградского мальчика Лёши Митина — одного из маленьких свидетелей и участников Великой Октябрьской социалистической революции вы и узнаете из повести «Сын великана».

Глава первая

«СМИТ И ВЕССОН»

НА ЗНАМЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ

«Смит и Вессон» — это пистолет. Достался он Лёшке случайно. Работал в то время мальчик у аптекаря Золотушкина — разносил порошки и лекарства.

Февраль семнадцатого года вообще был месяц тревожный. То бастовал Путиловский завод, то сразу и «Динамо», и завод Михельсона, и Бари. По городу разъезжали конные жандармы, появились казаки. Особенно беспокойно было на рабочих окраинах. Здесь люди собирались большими группами. Они прорывались в центр города, запряжали Невский, Литейный, Садовую.

Раздавались призывы:

— Долой войну!

— Мира!

— Хлеба!

Потом к ним прибавился ещё один:

— Долой царя!

Дело становилось серьёзным. 23 февраля Лёшка видел, как жандармы разогнали демонстрацию женщин-работниц. А через день рабочие сами перешли в наступление, и на глазах у Лёшки несколько молодых парней стащили с седла жандармского пристава и сбросили его в Фонтанку.

26 февраля в Петрограде появилось много солдат. Лёшка встречал их и у Летнего сада, и у Казанского собора и в других местах. А когда угодил на Знаменскую площадь, там шла настоящая пальба, и мальчик впервые увидел убитых.

Молодой парень в рабочей поддёвке, без шапки, с пистолетом в руке, заметив Лёшку, крикнул:

— Марш домой! К мамке! — и двинул торцом ладони по Лёшкиной шее с такой силой, словно собирался перерубить её.

Мальчик отбежал к подворотне какого-то дома, вскарабкался на полураскрытую створку ворот и стал оттуда смотреть. Лёшка видел, как со стороны Невского на толпу наседали казаки и конные жандармы. Они взмахивали оголёнными шашками и стреляли в воздух.

— Разойдись! — вопил жандармский офицер.

Люди отступали, но неохотно. По чьей-то команде из толпы полетели камни.

— Разойдись! — снова закричал офицер и дважды выстрелил в небо.

Толпа загудела:

— Ироды! Душегубцы!

— Сыночки! Да в кого вы? — кричала какая-то женщина.

— Пли! — прохрипел офицер.

Грянули выстрелы. Люди шарахнулись. Заметались. Бросились в разные стороны. Человек двадцать устремилось к Лёшкиной подворотне. Снова ударил залп и плачущим эхом отозвался на Невском.

Лёшка хотел бежать вместе со всеми, но вдруг увидел прогонявшего его парня — в рабочей поддёвке, худощавое лицо, заострённый нос, большие глаза, широкая дуга чёрных, сросшихся у переносицы бровей, короткие, непокорно торчащие во все стороны волосы. Зайдя за фонарный столб, парень целился из пистолета. Вот он нажал спусковой крючок, и в ту же секунду жандармский офицер взмахнул руками, наклонился, уронил голову на грудь и стал медленно сползать с лошади.

— Бах-ввить, бах-ввить! — снова всхлипнули казачьи выстрелы.

Лёшка метнулся во двор. Двор оказался маленьким, с высокой каменной стеной в глубине. Мальчик был уже у самой стены, как вдруг услышал чьи-то шаги за спиной. Шмыгнув за уступ дома, Лёшка остановился. Перед глазами его мелькнула фигура знакомого парня. Ловко подпрыгнув, парень повис на каменной кладке забора. Когда он подтянулся и стал заносить ногу, из кармана его брюк что-то выпало. Лёшка бросился к стене.

Под ногами лежал новенький, отливающий воронёной сталью пистолет «Смит и Вессон».

НЕ УЖИЛСЯ

Ни отца, ни матери Лёшка не помнил. Солдат Герасим Митин погиб на японской войне ещё до рождения сына. Ткачиха Варвара Голикова померла от чахотки, едва Лёшке исполнился год.

Вырос мальчик в Петрограде, на Охте, у бабки Родионовны. Старуха была въедливой и на редкость сварливой.

— У других дети как дети, а наш непутёвый, — чуть что заводила Родионовна и всё причитала: — О господи, и за какие грехи выпало мне наказание!

А какие у Лёшки провинности? С мальчишками бегают, в кости играет. Так кто же не бегают, кто не играет? Только у Лёшки лучше, чем у других, получалось. И бегал быстрее, и целый мешок наигранных костей под Лёшкиной койкой.

А то, что он по весне, в ледоход, любил кататься на льдинах, так и другие катались. Только Лёшка и здесь в первых. Был смел. Не трусил. До середины Невы добегал по льдинам.

А то, что как-то побил конопатого Филимона — сына владельца керосиновой лавки Горелкина, так ведь и другие тоже лупили. Жадный был вот и лупили. Правда, Лёшка избил сильнее, так ведь на то и кулак у него был увесистей и удар метче. Да что

Филимона Горелкина — Лёшка как-то извозил гимназиста Перчаткина! И тоже за дело. Нечего было гимназисту заглядываться на соседскую девчонку Катю Ручкину. Лёшка и Катю избил. Только не так сильно: пожалел.

Ну кто скажет, что Лёшка не прав? А вот бабка сказала! Да хорошо, если бы только сказала. А то сразу за скалку.

Или вот ещё такой случай. Выменял как-то Лёшка бабкину пуховую шаль на голубя. Голубь был не простой — породистый турман. Летает, а сам, словно циркач, переворачивается через голову. Вся улица сбегалась смотреть на забавную птицу. Нет бы бабке тоже взглянуть. А она, не разобравшись, снова за скалку.

В общем, Лёшка твёрдо считал, что не жил он у бабки, а мучился. «Промучился» до самого 1916 года. А с весны ушёл и больше не возвращался. Устроился мальчиком у аптекаря Золотушкина, там и прижился.

Приходила бабка, плакала.

— Хороший, ненаглядный, единственный, — выводила старуха и звала Лёшку домой.

Только Лёшка оказался упрям — ни в какую.

А к осени бабка скончалась. Отпели Родионовну. Похоронили. И Лёшка остался совсем один, как неокрепший дубок на нескончаемом поле.

КАПЛИ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ

За пистолетом парень не вернулся. Зря Лёшка топтался в чужой подворотне. Зря перелезал через стену и бродил по соседней улице. Наконец, сунув пистолет за пазуху, мальчик помчался домой.

Бежит Лёшка, приятно холодит железная тяжесть «Смит и Вессона» Лёшкин живот, и думает Лёшка: «Прибегу, забьюсь в чуланчик, рассмотрю находку». Не тут-то было.

— Алексей, живо к генералу Зубову! — приказал Золотушкин и передал мальчику свёрток с лекарствами.

Дарья, генеральская прислуга, открыв дверь мальчику, пристально посмотрела на отвислую Лёшкину пазуху.

— Что это у тебя?

— Капли для графини Потоцкой, — соврал, не моргнув глазом, Лёшка.

— Капли? — подивилась прислуга.

Ух, уж эта Дарья! До всего-то ей дело. Как придёт Лёшка, она его уж и о том и об этом расспросит и непременно накормит. Добрая Дарья. Вот и сегодня.

— Ох, ох, — вздыхает, — замучил тебя аптекарь. Сиротинушка ты моя, тянет Лёшку на кухню.

— Да я не хочу, — упирается Лёшка.

— Ешь, ешь, — заставляет и опять причитает: — Сиротинушка ты моя. Некому-то о тебе позаботиться.

Ест Лёшка, а самому не терпится — скорей бы в чуланчик.

— Тётка Дарья, так мне же к графине Потоцкой быстрее надо.

— Ну ступай! — отпускает наконец Дарья и сует на дорогу мальчику пряник.

Вернулся Лёшка — сразу в чуланчик. Только сунул руку за пистолетом, а его опять вызывает аптекарь и — надо же! — действительно даёт ему капли и посылает к графине Потоцкой.

До позднего вечера носился в этот день Лёшка по клиентам. Дважды побывал у князя Гагарина, бегал к артистке Ростовской-Задунайской, к приват-доценту Огурцову и ещё в несколько мест.

Волнения в городе тем временем стихли. На улицах снова появились нарядные люди, работали магазины, кинематографы. Бегают Лёшка по городу, а у самого одна мысль: как бы рассмотреть «Смит и Вессон»? Попытался он несколько раз вытащить пистолет в пути, да всё неудачно. Забежал было в подъезд большого дома на Миллионной. Только сунул руку за пазуху, вошёл господин в енотовой шубе, косо посмотрел на Лёшку, кашлянул, но ничего не сказал. Потом появилась нарядная дама с болонкой на руках. Собачонка злобно тьякнула и стала рваться из рук. Лёшка плюнул и вышел на улицу.

Не повезло ему и в подъезде на Литейном: всунулась волосатая физиономия с бляхой под бородой — дворник.

— Ты что тут?.. Вот я те...

Пришлось убираться.

Наконец, уже в темноте, Лёшка вытащил пистолет прямо на улице. До этого смотрел — никого нет. А тут — и откуда она только взялась! появилась девица в коротенькой шубке. Увидев в руках у мальчика пистолет, девушка с криком бросилась в одну сторону, а Лёшка испугался не меньше и стремглав помчался в другую.

— Бог с ним, — решил наконец мальчик, — вернусь домой — рассмотрю.

Однако дома он неожиданно застал гостя. У Золотушкина был околоточный надзиратель Животов. И Лёшке пришлось прислуживать.

Животов пил рябиновую настойку и рассказывал о городских беспорядках.

— Так вы того, — говорил околоточный, обращаясь к Золотушкину, — чуть что — к нам в участок. У вас дело такое: ап-те-ка, — протянул он. — Тут может всякое случиться. Ну, ваше здоровье, — и выпил рюмку.

— Слушаюсь, — отвечал Золотушкин. — А как же-с. Непременно-с.

— Народ — он стихия, — продолжал Животов. — Он без власти, что конь без узды, что овцы не в стаде. Нынче на Знаменской площади жандармского полковника убили. Из пистолета, между прочим. Мастеровой какой-то. Ведётся розыск. Я вам скажу, за такие дела ого-го... — заключил Животов.

Лёшка замер, прикрыл рукой пазуху.

«Ведётся розыск», — не вылезало из головы у мальчика. Он пощупал пистолет и представил себе ту страшную минуту, когда околоточный Животов своими здоровенными ручищами схватит его, притянет к себе и скажет: «А где ты взял пистолет? А зачем тебе пистолет? А не ты ли убил полковника?» Мальчик похолодел. «Брошу в прорубь, в Неву», — решил Лёшка.

— Государь император, изволью вам доложить, — продолжал между тем околоточный, — прислал депешу: «Прекратить беспорядки». Во как. Мы живо. У нас разговор простой. Становись. В ружьё. Пли! — И Животов засмеялся. Потом приблизился к Золотушкину. — Назавтра, будьте покойны, никаких беспорядков. Никаких! — повторил он и снова потянулся за стопкой.

Тем временем Лёшка несколько успокоился, подумал: «Зачем же в Неву?» Выбрав удобный момент, мальчик осторожно прошёл на кухню, плотно прикрыл за собой дверь, потом приподнял дверцу подпола и полез вниз. Высмотрев укромное место в дальнем углу, он засунул опасную находку под какие-то ящики.

Когда Лёшка вернулся в комнату, надзиратель прощался с аптекарем.

— Будьте покойны, — ещё раз повторил Животов. — Назавтра никаких беспорядков.

Проводив околоточного, Золотушкин перекрестился, прошёл в аптечный зал и позвал Лёшку.

ЦАРСКИЙ ПОРТРЕТ

В аптечном зале на пустынной широкой стене под стеклом в золочёной раме висел царский портрет. Российский самодержец был изображён во весь рост, в полковничьем мундире, с андреевской лентой через плечо. Император стоял, держась за спинку резного кресла, чуть откинувшись назад, словно боясь выпасть из рамы.

За многие месяцы работы у Золотушкина Лёшка возненавидел царский портрет. В обязанность мальчика входило стирать пыль со стекла и надраивать раму. До боли в руках намашется Лёшка тряпкой, а Золотушкину всё мало. Подойдёт, станет рядом и тычет палкой.

— Тут, — говорит, — не блестит. И тут плохо.

Палка у Золотушкина тонкая, как шпага, ткнёт — что кольнёт шилом. Вот и сейчас водит Лёшка по царским сапогам, трёт по императорской физиономии...

— Не там, не там! — кричит Золотушкин и тычет палкой в золочёную раму.

Лёшка плюёт на тряпку и берётся за раму.

С улицы постучали. Золотушкин вздрогнул, насторожился. Стук повторился настоящий, грозный. Побледнев, аптекарь подошёл к двери.

— Кто там?

— Откройте!

Золотушкин раздумывал.

— Откройте же!

Голос был женский. Аптекарь повернул ключ. Спиной, чуть согнувшись, медленно переступая порог, в комнату входил неизвестный. А следом за ним ещё двое: парень и девушка. Лёшка глянул и замер... Безжизненно свесив голову, на руках у вошедших лежал парень со Знаменской площади.

Молодого рабочего положили на диван.

— Простите, — обратилась девушка к Золотушкину. — Ранение. Тяжёлое. Нужна срочная помощь.

Аптекарь стоял, не шевелился.

— Дайте же йоду! Бинтов! — закричала девушка.

Золотушкин очнулся. Засуетился. Подбежал к шкафчику. Вернулся, подсел на диван и стал поспешно перевязывать раненого. Бинт ложился неровно, сползал, парень морщился и издавал протяжные стоны. Потом аптекарь принес какие-то капли. Парню разжали зубы, и Золотушкин долго целился, прежде чем попал ему ложечкой в рот.

Через несколько минут парень пришёл в себя, приоткрыл глаза и увидел царский портрет. Молодой рабочий уставился в раму, потом его взгляд перешёл на Золотушкина, задержался на лице, скользнул по рукам, прилип к палке.

Парень стал подниматься. Аптекарь пугливо попятился, бухнулся в кресло.

— Андрей! — вскрикнула девушка. Она бросилась к парню, но тот оттолкнул её в сторону, рванулся к аптекарю, выхватил палку. Потом, резко повернувшись к портрету царя, зацепил загнутым концом палки за верхний обрез рамы и что было сил рванул её на себя. Портрет рухнул. Рама раскололась. Мелким звоном звякнуло и разлетелось стекло.

В ту же минуту парень качнулся и сам свалился рядом с портретом. Когда раненого снова укладывали на диван, он бился и что-то кричал, потом стих и опять безжизненно уронил голову.

Лёшка, шмыгнувший было за аптечную конторку, теперь высунулся и смотрел ошалелыми глазами по сторонам. Он видел, как один из парней вышел на улицу. Но вскоре вернулся: пригнал извозчика.

Раненого снова подняли на руки, понесли в экипаж.

Только теперь Лёшка пришёл в себя и вспомнил про «Смит и Вессон». Он бросился вслед неожиданным посетителям. Лёшка кричал. Он даже бежал за извозчиком.

Не догнал. Не услышали.

Мальчик вернулся в аптеку. В зале стало удивительно тихо. Лишь: «Воды...» — из кресла простонал Золотушкин. Да гневным взором с пола на Лёшку глянул царь Николай Второй.

КАК ЖЕ ЭТО ПОНЯТЬ?

Обещал Животов, что в городе больше не быть беспорядкам. Однако на следующий день, разнося лекарства, Лёшка вышел на набережную Невы и снова увидел массу народа. Люди шли с правого берега реки, с Выборгской стороны, и со стороны Охты. Прорвав солдатский заслон, они двигались по Литейному мосту. Многие шли прямо по льду, через самую Неву.

В городе заговорили, что восстал Волынский полк, что на сторону рабочих переходят и другие воинские команды. Даже казаки якобы отказываются стрелять в народ.

Слухи оказались верными. Вначале у Летнего сада, а потом и на самом Невском Лёшка видел, как рабочие обнимали солдат, а солдаты рабочих. Как вместе кричали они «Ура!» и «Долой самодержавие!».

У Арсенала Лёшка попал в самый водоворот событий. Восставшие захватили оружейный склад и тащили кто по одной, кто по две, а кто и по нескольку винтовок сразу. Двое парней волокли тяжёлый ящик с патронами. Вышла девушка со связкой ручных гранат.

Лёшка тоже сунулся в Арсенал, как и все, полез за винтовкой, но какой-то плечистый рабочий, увидев мальчика, строго сказал:

— Положь!

— Так я для тятки, — нашёлся Лёшка.

— Положь!

Пришлось отступить. Зато в другом месте мальчику повезло. Он наткнулся на ящик с гранатами. Поспешно сунув одну из них под пальто, Лёшка выскочил на улицу. Бежал, озирался: всё боялся — отнимут.

Вернувшись домой, Лёшка тут же спустился в подпол и спрятал гранату рядом со «Смит и Вессоном».

— Ты где пропадал? — набросился Золотушкин.

— Так я же лекарство...

В этот день Лёшка ещё раз бегал на улицы. У Литовского замка он встретил ещё большую толпу, чем у Арсенала. Восставшие громили тюрьму. Какой-то бородач, выйдя на волю и щурясь от яркого света, увидев Лёшку, подбежал, обнял, стал целовать и кричал:

— Сыночек, милый, свобода! Свобода!

А через час на Невском Лёшка слышал стрельбу и снова, как на Знаменской площади, видел убитых. Стреляли жандармы из окон какого-то дома. То же произошло на Гороховой — с крыши полоснул пулемёт и скосил человек десять. Помутневшим взглядом смотрел на Лёшку, умирая, какой-то старик, хрипел и рвал на себе рубаху.

Вскоре на улицах появились грузовики, набитые вооружёнными людьми с красными бантами в петлицах и такими же повязками на рукавах. Лёшка увязался за одним из грузовиков и бежал целый квартал следом. Тогда из кузова свесились чьи-то жилистые руки и подхватили мальчика.

Здоровенный детина в бушлате и морской бескозырке, расплывшись в аршинной улыбке, сказал:

— Место герою.

Кто-то приколот к Лёшкиному пальто кумачовый бант. Кто-то похлопал мальчика по плечу.

Вооружённые люди распевали революционные песни. И Лёшка пел вместе со всеми и без усталости махал руками прохожим. Потом в городе стали хватать жандармов и арестовывать царских генералов. На Литейном проспекте мальчик видел, как какой-то молоденький солдатик подсаживал в кузов дородного генерала и приговаривал:

— Садитесь, садитесь, ваше благородие, да только так, чтобы и другим место осталось.

«Вот бы сюда Животова», — подумал Лёшка. Однако, к удивлению мальчика, Животова никто не тронул. Когда Лёшка вернулся домой, на улице было спокойно, словно в городе ничего не происходило. Околоточный снова сидел у аптекаря. Как и в прошлый раз, Животов пил рябиновую настойку и, обращаясь к Золотушкину, говорил:

— Я вам скажу: монархия — она что стена. Нет такой силы. Будьте покойны. К Петрограду идут войска. Завтра никаких беспорядков.

Увидев вошедшего Лёшку с красным бантом на груди, околоточный поднялся.

— Стервец, — проревел Животов. Он придвинулся к мальчику, сорвал кумачовый бант и принялся неистово топтать его сапогами. Потом схватил Лёшку за ухо. — Ах, стервец! — выкрикивал околоточный и драл Лёшкино ухо с такой силой, словно старался оторвать его вовсе. Наконец Животов успокоился, взял фуражку и, не прощаясь с аптекарем, направился к выходу. Проходя через аптечный зал, надзиратель глянул на стену и вдруг не нашёл на привычном месте портрета царя.

Минуту Животов стоял молча, сдвинув брови, смотрел на стену. Потом повернулся к аптекарю.

— Как же это понять? — проговорил околоточный.

Золотушкин растерялся. Бессмысленно заморгал глазами.

— Как же это понять?! — повторил Животов. Его фигура нависла над побледневшим аптекарем.

— Не виноват-с, не виноват-с, — залепетал Золотушкин.

Он принялся путано рассказывать о ночных посетителях. Потом куда-то исчез, но тут же вернулся, принёс свёрнутый в трубку царский портрет.

Какими-то ржавыми гвоздями, без рамы, прямо к стене Золотушкин и Животов прибили портрет царя на прежнее место.

Околоточный перевёл дух, провёл носовым платком по вспотевшему лбу, самодовольно глянул на стену и вдруг закричал:

— Смирно!

Золотушкин и Лёшка замерли.

— Государю императору — долгие лета, слава! — прохрипел Животов.

— Слава! — пискнул аптекарь.

— А ты что молчишь! — набросился Животов на Лёшку.

— Слава, — выдавил из себя мальчик.

НЕПОНЯТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТОВА

Животов в этот вечер заходил ещё несколько раз. Заходил, грелся и уходил снова. «Чего это он? — размышлял Лёшка. — Скоро полночь, а он всё крутится. И что это за дела у него с аптекарем? И почему Золотушкин не спит и при каждом шорохе крестится?»

Выждав, когда околоточный снова выйдет на улицу, Лёшка незаметно накинул пальто и выбежал следом.

Улица, морозная, опустевшая, встретила мальчика порывом ветра. Колючими иглами мороз пробил лёгонькое пальтишко, защипал неприкрытые руки и уши.

Животов направился к чердачной лестнице. Остановившись внизу, Лёшка стал слушать. Вот надзиратель поднялся на второй этаж. Вот на третий. Шаги стихли. Лёшка понял — околоточный вошёл на чердак.

Выждав минуту, Лёшка тоже стал подниматься. Шёл осторожно, прислушивался. Около чердачной двери остановился. Дверь была приоткрыта.

Присев на корточки, Лёшка просунул голову, осмотрелся. Было темно, и Животова он увидел не сразу. Околоточный стоял спиной к двери в дальнем углу, рядом с чердачным окном. Несколько раз он пригнулся и что-то передвигал, но что — Лёшка не видел. Тогда мальчик переступил порог и юркнул за деревянную стойку. Но и теперь он был далеко от Животова и ничего рассмотреть не смог.

Через несколько минут околоточный повернулся и направился к выходу. Он прошёл совсем рядом, чуть не задев Лёшку. Когда захлопнулась дверь, мальчик вышел из-за своего укрытия. Осторожно, на цыпочках, он стал подходить к окну. Ещё издали Лёшка заметил какой-то странный предмет, что-то вроде перевёрнутой самоварной трубы. Подошёл ближе... На старых ящиках, уставив дуло в чердачное окно, стоял пулемёт.

Невский, Гороховая, хрипящий старик — всё это пронеслось в голове мальчика. Потом он представил улицу и идущих по ней людей: хозяина «Смит и Вессона», весёлого матроса с грузовика, бородача, что обнимал его у Литовского замка, — и Лёшку охватил ужас.

Мальчик глянул в окно. Над самой Лёшкиной головой висело хмурое февральское небо. Ветерок резкими порывами, словно кто выдувал его из кузнечных мехов, то пробежал по крыше, перекатывая снежинки, то затихал, и снежинки плавно опускались на новое место. Внизу, на улице, кое-где светились неяркие фонари. Было безлюдно и

по-сиротски тихо. Лёшка дотронулся до пулемёта. Морозная сталь обожгла руки. Попытался его приподнять — пулемёт был тяжёл и чуть не придавил колесом Лёшкину ногу. Мальчик ещё минуту стоял над пулемётом. Потом вдруг решительно стянул его с ящиков, взял за металлическую дугу и покатил к выходу.

Когда Лёшка толкнул чердачную дверь, та не поддавалась. Дверь оказалась запертой.

В ЗАПАДНЕ

Лёшка стоял у двери. Он явственно слышал шаги. Они громыхали по лестничной клетке. Они отзывались в ушах, ударяли в голову. Вот сейчас звякнут ключи, откроется дверь и войдёт Животов.

Мальчик попятился. Схватил пулемёт. Поташил его к старому месту. Бросил у ящиков. Кинулся в сторону. Затаился за балкой чердачного перекрытия.

Прошла минута, а может быть, десять. Кругом стояла мёртвая тишина. Лёшка понял, что ошибся, что никакого Животова нет, что шаги — это просто послышалось от неожиданности и от испуга, и всё же страх проходил медленно, а сердце не переставало тревожно биться. Наконец Лёшка сдвинулся с места и тихонько подобрался к окну. Ондохнул свежего морозного воздуха и только тогда успокоился.

Решение пришло неожиданно, именно тогда, когда мальчик смотрел в окно. Распахнув его створки, Лёшка вылез на крышу. Затем поташил пулемёт. Пулемёт оказался чертовски тяжёлым. Он упирался, словно живой, цеплялся металлическим щитом за оконную раму и никак не хотел вылезать наружу. А потом, когда наконец пулемёт оказался на крыше, он вдруг по наклонной поверхности стремительно потянул мальчика за собой, и Лёшка едва не свалился на улицу.

Отдышавшись, мальчик перетащил пулемёт на противоположный скат крыши — решил сбросить его во двор в снежные кучи. Царапнув по водосточному жёлобу, пулемёт тяжёлым грузом рухнул вниз. Ударился тише, чем предполагал Лёшка.

Затем мальчик направился к водосточной трубе. Попробовав ногой, надёжно ли, Лёшка решил спускаться. Сползал осторожно, придерживался за костыли, вбитые в стены. Когда до земли осталось метра два, в трубе что-то загрохотало. Это сорвались ледышки. Лёшка вздрогнул, опустил руки и шлёпнулся в снег.

В это время Животов снова поднимался по чердачной лестнице. Если бы Лёшка остался на крыше, он бы увидел такую картину. Открыв чердачную дверь, Животов направился к пулемёту. Однако, сделав несколько шагов, околоточный остановился. Привстал на цыпочки, вытянул шею. Потом, словно кто подбросил его пружиной, ринулся к ящикам. Не веря своим глазам, пошарил руками. Выпрямился, замер. Крутанул головой влево, вправо. И вдруг, подхватив полы шинели, бросился назад к выходу. На лестнице громыхнуло человеческое тело, с шумом ударила дверь, скрипнула — и опять всё замерло.

Животов не вернулся в аптеку. Трусливо озираясь по сторонам, он выскочил на улицу и побежал по ней с такой прытью, словно за ним гналось само привидение. Он

задыхался от быстрого бега, скользил, падал, опять поднимался и снова бежал, бежал и бежал...

Покрутившись немного у пулемёта, Лёшка вошёл в аптеку. Золотушкин не заметил исчезновения мальчика. Он просидел до полуночи в своей комнате: видимо, ожидал Животова. Потом вышел, проверил двери, перекрестился и отправился спать.

Когда Золотушкин забылся в тревожном сне, Лёшка снова вышел на улицу. Он вытащил пулемёт из сугроба, вкатил его в кухню. Затем поднял крышку подпола и осторожно спустил его вниз. Откатив пулемёт в дальний угол, поближе к гранате и пистолету, Лёшка заставил его пустыми ящиками и сверху прикрыл рогожей.

Спал в эту ночь мальчик на редкость крепко, как солдат, уставший в походе.

ПОПАЛСЯ

Пулемёт, пистолет, граната — целое богатство у Лёшки в аптечном подполе.

На следующий день Золотушкин аптеку не открывал. Сказавшись больным, закрылся на ключ в своей комнате. А Лёшка снова бегал по городу, слышал опять стрельбу, видел, как продолжали арестовывать генералов и важных царских чиновников. «А что, если арестовать Животова?» — подумал Лёшка.

Вернувшись домой, Лёшка спустился в подпол, достал «Смит и Вессон» и гранату. Покрутил в руках пистолет, повертел барабан с патронами, несколько раз взвёл и осторожно спустил курок, потом засунул пистолет поглубже в карман.

Прежде всего мальчик помчался к полицейскому участку. Но тот оказался закрытым. «Ладно, приду попозже», — решил Лёшка. Но и позже участок не открывали. Тогда мальчик принялся разыскивать околоточного на улицах. Исходил соседние переулки, дошёл до самой Невы, опять караулил рядом с участком — Животов не появлялся.

Лёшка промёрз, собирался возвращаться домой и вдруг вспомнил про дом генерала Зубова. «Арестую генерала. Генерал — это ещё важнее». Мальчик помчался к генеральскому дому.

— Ты что? — спросила Дарья. — Снова лекарства?

— Нет. Мне к генералу.

— К генералу?! Зачем же тебе генерал?

— Нужен, — ответил Лёшка и почувствовал, что краснеет.

— Так генерала ведь нет, — ответила Дарья. — Генерал на войне. А зачем тебе генерал?

Ух, уж эта Дарья! До всего-то ей дело!

Лёшка ничего не ответил, хотел уйти.

— Пстой, — сказала прислуга. — Пошли, покормлю. — И снова взялась за своё: — Ох, ох, сиротинушка ты моя, похудал, обтрепался. Ты не ходи, сиди дома. Стрельба, не ровён час подстрелят на улице. Ох, ох, и чего на белом свете творится!

Простившись с Дарьей, Лёшка снова принялся искать Животова. Снова топтался и мёрз на разных улицах. Снова ходил к Неве и к участку. Околоточный исчез, словно под лёд провалился.

Раздосадованный неудачей, Лёшка понуро брёл по какому-то переулку... Переулок был тихий с рядами невысоких двухэтажных домов, с каменными заборами и подворотнями. Кругом ни души. И вдруг — Лёшка даже не поверил своим глазам — в переулок свернул генерал! Мальчик взглянул — длинная пушистая борода, широкие золотые лампасы, рукава с узорчатыми нашивками. «Важный, должно быть, генерал», — сообразил Лёшка. Сердце забилось, рука потянулась к «Смит и Вессону». Пропустив перед собой генерала, он выхватил пистолет.

— Руки вверх! — скомандовал Лёшка.

Тот вздрогнул, обернулся. Увидев направленный на него пистолет, он поспешно вытянул руки. Потом рассмотрел мальчика опустил руки и закричал:

— Ты что же, поганец, — пугать честной народ?! Вот я тебе!

— Руки вверх! — снова закричал Лёшка. — Вперёд!

Поняв, что мальчик не шутит, старик подчинился, тревожно оглядываясь на пистолет и гранату. «А, попался! — злорадствовал Лёшка. — Иди, иди».

Не прошли они и двадцати шагов, как со всех сторон стали сбегаться мальчишки.

— Генерала ведут! — закричали они. Генерала ведут!

— Ух ты, Лёшка аптекарский!..

— Глянь, глянь, с пистолетом!..

— Это же Пахомыч! — выкрикнул кто-то. — Из гостиницы «Европейская». Куда ты его, Лёшка?

Мальчик не ответил, подумал: какой ещё Пахомыч, какая гостиница?

На улице стали появляться взрослые люди. Собиралась толпа. «Генерал» осмелел: остановился, повернулся к Лёшке, схватил за ухо.

— Ты что же, стервец, шутки шутить!

Лёшка от боли взвизгнул, дёрнулся и нажал на пистолетный крючок. «Смит и Вессон» выстрелил.

Люди отпрянули, мальчишки бросились наутёк. А Пахомыч бухнулся на четвереньки и, загребая бородой снег, пополз к подворотне.

— Руки вверх! Руки вверх! — иступлённо выкрикивал Лёшка и шёл за ним следом.

Выстрел всколыхнул переулочную тишину. Стали сбегаться новые люди, вернулись мальчишки. Лёшка поднял глаза и увидел бежавших к нему вооружённых людей.

— Что за шум? — закричал один из них, пожилой рабочий в потёртой куртке.

Толпа загудела.

— Человека убили, — проговорил кто-то.

— Да он же живой, — произнёс Лёшка и ткнул Пахомыча ногой.

Старика подняли. Он зло посмотрел на Лёшку и, став за спины вооружённых людей, закричал:

— Разбой-ник!

— Тише! — крикнул человек в потёртой куртке.

Из Лёшкиных слов он долго не мог понять, в чём дело. А когда понял, рассмеялся. Засмеялись и остальные. Наконец человек перестал смеяться и, грозно посмотрев на Лёшку, сказал:

— Ну-ка, давай эту игрушку. Не про твою честь сработана.

— Разбойник! — снова завопил Пахомыч.

— Тише, тише, папаша, — проговорил рабочий. — Тут дело такое революция.

Народный взрыв. Подпутал, выходит, хлопец. Да ты почти и в самом деле что генерал — зна как разукрашен. — И он показал на швейцарскую ливрею и золотые лампы на стариковских брюках.

Потом человек опять повернулся к Лёшке. Но того на прежнем месте уже не было. Словно ветром мальчишку сдуло.

Когда Лёшка кружным путём возвращался домой, он наконец повстречал Животова. Под стражей двух молодых парней околоточный понуро шагал по улице.

«Эх, не успел», — вконец расстроился Лёшка.

НЕОЖИДАННОЕ

Прошло три дня. Революция победила. Газеты сообщили о создании Временного правительства. Царь Николай Второй отрёкся от престола. Лёшка сам читал манифест. «Божьей милостью мы, Николай Второй, император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть... Да поможет господь бог России», — писал бывший царь.

В этот день Лёшка снова был в городе и теперь мчался домой, неся долгожданную весть.

Не добежав квартала до Аптечной улицы, мальчик неожиданно столкнулся с Дарьей. Генеральская прислуга остановилась, всплеснула руками.

— Ох, батюшки, как же ты теперь?! — Она обхватила Лёшку, прижала к себе.

Мальчик опешил.

— Сиротинушка! Да как же ты теперь? Чай, и тебя арестуют, — принялась причитать Дарья.

Лёшка опешил и вовсе.

— Арестуют, арестуют, — зачастила прислуга. — Мастеровой-то в потёртой куртке не зря про тебя расспрашивал: и давно ли живёшь, и сколько лет от роду, и про родителей. Послала меня барыня за лекарствами, принялась рассказывать Дарья, — а в аптеке народу... И чего было, и чего было!.. А она как бабахнет!

— Кто бабахнет?

— Бомба, бомба, в подполье, у аптекаря. Да там целый склад, тараторила Дарья, — пулемёты, гранаты, пушки... Аптекаря-то арестовали.

Лёшка похолодел.

— Сиротинушка ты моя, — опять запричитала генеральская прислуга, уезжай, уезжай. Ты сказывал, дед-то у тебя на деревне есть. Арестуют они и тебя. Мастеровой-то всё: «Тут мальчик, — говорит, — такой шустрый». Всё про тебя допытывал. Беги. Уезжай. Я тебе и денег на дорогу дам. — Она схватила мальчика за руку и потащила прочь от Аптечной улицы.

...В этот же вечер Дарья отвела Лёшку на Николаевский вокзал, купила билет, сунула варёных яиц на дорогу.

— Станцию не проспи! — кричала на прощанье. — Деду привет!

Раздался свисток. Колыхнулся вагон. Звякнули буфера. Поплыла платформа. Застучали колёса.

Лёшка глянул в окно. Прощай, Питер!

Глава вторая

ГОЛОДАЙ-СЕЛО

ДЕД САШКА

Длинной горбатой улицей растянулось село Голодай. Легло оно между лесом и рекой Голодайкой, повиснув ветхими, скосбочившимися избами над самой кручей. И только в центре села, на самом высоком месте, как напоказ, ладный дом с каменным низом. Резное крыльцо. Дубовая дверь. Вывеска: «Лавка. Пафнутий Собакин».

В Голодай-селе Лёшка уже бывал: приезжал вместе с бабкой Родионовной в гости к деду Митину.

Минуло три года. И вот Лёшка снова идёт по голодаевской улице. Прошёл мимо лавки Собакина, свернул в проулок, спустился к овражку. Тут у самой околицы старенький дом, подгнившие брёвна, дырявая крыша, единственное оконце подслеповатым глазом смотрит на мир. Это и есть изба старика Митина, или, попросту, деда Сашки. Лёшка ударил в дверь.

— Кто там?

Дверь отворилась.

— Лексей! — закричал старик. — Ить ты. Откуда ты взялся?! — Смотрит дед Сашка, не верит своим глазам. — Вот так гость! Ну и дела. Лёшка, внучек, пожаловал! Заходи, заходи, — засуетился старик.

Лёшка переступил порог, глянул по сторонам. Всё тот же стол, та же лавка, те же брёвна в углу, и дед Сашка тот же самый, такой же маленький, с бородавкой на правой ноздре.

— Ты что же, насовсем или как? — обратился старик.

— Насовсем.

— Тебя что же аптекарь прогнал или что другое?

— Я сам не схотел, — ответил уклончиво Лёшка.

— Эна она чего... — протянул старик. — Выходит, аптекарь строгий... Дед Сашка снова засуетился, притащил целую миску солёных огурцов, отрезал краюху хлеба, придвинул к Лёшке: — Ешь, наедайся.

Вечером пришли соседи: дед Качкин, Дыбов-солдат, по ранению вернувшийся с фронта, Прасковья Лапина и ещё человека два или три. Все с удивлением смотрели на Лёшку, поражались, как он один доехал из Питера. Потом стали расспрашивать про Петроград, про свержение царя.

И мальчик рассказал обо всём, что видел: про то, как в городе пять дней шла стрельба, как разъезжали грузовики с солдатами, как арестовывали жандармов, про Арсенал и про многое другое.

Ну, а что в Питере про землю говорят? — спросил Качкин.

— Когда её мужикам нарезать станут? — добавил Дыбов.

— И как там с войной, скоро ли с немцем замирятся? — полезла Прасковья Лапина.

Лёшка задумался. О земле он ничего не знал. Про войну тоже. И мальчик снова принялся рассказывать про грузовики, Арсенал и как арестовывали важных царских чиновников.

Но теперь собравшиеся уже потеряли интерес к Лёшкиным рассказам и вскоре начали расходиться.

— Чего это они? — спросил мальчик у деда.

— Земля, Лексей, — ответил старик, — для мужика вещь первейшая. На кой им твои грузовики и твой Арсенал. Ты им землю возьми и выложи. Э-эх, и чего царя только скидывали, раз землю не дают, — вздохнул дед Сашка.

СВЕРЖЕНИЕ

Обжился Лёшка на новом месте. Познакомился с Сонькой Лапиной, с Митькой Дыбовым, с Петькой Качкиным и другими ребятами.

Все с завистью смотрели на Лёшку: приехал из Питера, видел, как царя скидывали, бывал в домах у князей и графов и видным делом был занят служил у аптекаря, разносил порошки и лекарства. Стали ребята крутиться около Лёшки и по пятам за ним бегать.

И вот как-то Лёшка затеял играть в царя. Однако царём никто не хотел быть. Заспорили. Тогда Сонька предложила позвать Аминодава Собакина, сына кулака и лавочника Собакина. Предложение понравилось. Ребята побежали к кулацкому дому.

— Аминодав, хочешь царём быть?

— Хочу. — Потом подумал: — А бить не будете?

— Зачем же бить — ты же царём. Главным!

Аминодав согласился.

Стали думать о царском дворце. Сонька сказала, что лучшего места, чем банька у Качкиных, и не сыщешь. Она далеко, на огородах, возле самого леса. Народ там не ходит. Мешать не будут.

Так и поступили. Соорудили из досок и веток молодому Собакину трон, сплели из соломы корону, и стал Аминодав царём.

Поначалу игра кулачонку нравилась. Он важно сидел на троне, подавал разные команды, и ребята немедленно всё исполняли: кланялись «царю» в ноги, носили его на руках, Петька Качкин отплясывал казачка, Сонька Лапина пела «страдания», а потом все разом — «Боже, царя храни».

Наконец ребятам это наскучило.

— А теперь, — проговорил Лёшка, — будем играть в свержение.

— В свержение, в свержение! — закричали ребята.

— Не хочу в свержение, — заупрямился Аминодав.

Тогда мальчишки бросились на Собакина, стащили его с трона, растоптали корону и даже скрутили руки.

— Пиши манифест, — приказал Лёшка.

— Манифест, манифест!.. — вопили ребята.

Сонька сбегала, принесла карандаш и бумагу.

— Пиши, — потребовал Лёшка.

Аминодав вытер набежавшие слёзы, взял карандаш.

— «Божьей милостью, — диктовал Лёшка, — мы, Николай Второй, император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... (Ребята с восхищением смотрели на Лёшку.)...признали мы за благо отречься от престола...»

В этом месте Собакин опять заупряился.

— Пиши! — Лёшка смазал «царя» по затылку и продолжил: — «...и сложить с себя верховную власть».

Аминодав нехотя написал.

Стали спорить о том, как же подписывать.

— Пусть пишет «Собакин», — зашумели ребята.

Лёшка заколебался. Решили так: «Николай Второй», а ниже — «Собакин».

— Хорошо, — сказал Лёшка, просмотрев бумагу. — А теперь давай играть в заключение.

— В заключение, в заключение! — закричали ребята.

Решили содержать свергнутого «царя» тут же в баньке. Собакин опять заупряился. Снова заплакал. Но слёзы и на сей раз не подействовали. Баню закрыли. Для надёжности поставили караульщиком Петьку Качкина. Дали ему вместо ружья палку, а сами помчались на кручу к реке Голодайке покататься на санках по последнему снегу.

Крутится Петька около баньки. Скучно.

— Пусти, — раздаётся из-за дверей. — Пусти.

Ходит Петька, делает вид, что ничего не слышит.

— Пусти, — хнычет Аминодав. — Я тебе леденцов принесу.

И снова Петька не подаёт виду. Виду не подаёт, а у самого начинает сосать под ложечкой. Представит леденцы — слюна в рот сама собой набирается. И всё же решает: «Нет, не открою».

Понял Аминодав, что Петьку ни слезами, ни леденцами не возьмёшь. Решил по-другому.

— Петька, — позвал жалостливо. — Петька!

Мальчик подошёл к двери.

— Ну что?

— Открой, мне по нужде.

Петька задумался: не ожидал такого. А Аминодав скулит и скулит:

— Пусти, ой, не могу. Пусти, ой, не могу!

«Ладно, на минутку пущу», — решил Петька. А Собакин только того и ждал. Был он и годами старше и ростом выше. Схватил Петьку и втолкнул вместо себя в баньку.

Вернулись ребята — нет караульщика. Подошли к двери. Услышали плач. Вошли в баню. Сидит Петька, слёзы рукавом вытирает.

— Ты как здесь? — набросился Лёшка.

— Обманул, — захныкал Петька и рассказал про Собакина.

Лёшка замахнулся.

— Эх ты, царя упустил! Революцию предал. Теперь и война не кончится. И земли мужикам не дадут.

Хотел Лёшка излупить Петьку. Но ребята заступились. Мал Петька, глуп. В Питере не жил, порошков и лекарств не разносил, как царя скидывали, не видел — где же ему понять про такое!

БАРЫНЯ ОЛИМПИАДА МЕЛАКИЕВНА

На все четыре стороны от Голодай-села расходились господские земли.

Принадлежали они помещице Олимпиаде Мелакиевне Ширяевой.

Дом Олимпиады Мелакиевны стоял на пригорке в двух верстах от села. Дом был старинный, приземистый. Четырьмя стенами и шестью колоннами врос он в землю, словно всосался.

Слева от дома река Голодайка, справа дубовая роща, прямо поля и поля. Любила барыня выйти на крыльцо, посмотреть на округу. Стоит барыня, смотрит, не сходит с лица улыбка. Куда ни глянь: земля, луга, лес — всё барское.

Перед самой войной Олимпиада Мелакиевна построила мельницу. Мельница была паровой. Стояла она у самого леса, в версте от барской усадьбы. И из ближних и из дальних мест съезжались сюда подводы. Целый день топчутся у мельницы мужики, ругаются бабы. Льётся золотым дождём ржаное, пшеничное, ячменное зерно. Крутит свою бесконечную карусель огромный каменный жёрнов.

Тут же при мельнице стоял индюшатник. Барыня Олимпиада Мелакиевна разводила индюшек. Индийские петухи и куры, неохотно уступая дорогу лошадям и людям, важно расхаживали по мельничному подворью, клевали в избытке рассыпанное зерно, жирели и дожидались престольных праздников. Под рождество, пасху и

троицын день к индюшатнику подъезжали подводы. Важных птиц усаживали в клетки и отправляли в город на базар для выгодной распродажи.

За индюшками ходила хромоногая Харитина. А вечерами её сменял дед Сашка. Был он ночным сторожем и при индюшатнике и при мельнице. Для защиты от возможных разбойников дед имел колотушку. В руках с колотушкой и коротал старик длинные зимние ночи.

Через несколько дней после приезда Лёшки дед Митин отправился к барыне просить о великой милости для внука. Дед уже и место облюбовал. Лёшка и на мельнице бы работал, и Харитине хороший помощник по всякой надобности.

— Его к делу бы главное, барыня, — говорил старик. — Малец он неглупый. Между прочим, у аптекаря служил, в порошках имеет понятие.

— Ладно, приводи, — сказала Ширяева.

Пришёл Лёшка, глянул на барыню — кожа да кости. Никогда Лёшка таких тощих не видывал.

— Так, значит, из Питера? — спросила Ширяева.

— Из самого что ни на есть настоящего, — ответил за мальчика дед.

— И в лекарствах толк понимаешь?

— У аптекаря обучался, — снова полез старик.

— Ну ладно, — сказала Олимпиада Мелакиевна и положила Лёшке жалованье — полпуда зерном и деньгами три рубля в месяц.

Дед стал низко кланяться и благодарить барыню. Потом вспомнил, как кулак Собакин целует барскую ручку, изловчился и чмокнул Олимпиаду Мелакиевну в самые пальчики.

— Пошёл вон! — закричала Ширяева.

Дед съёжился, схватил Лёшку, попятился к выходу.

— Злющая, — проговорил он, когда они вышли на улицу.

— А чего она такая тощая? — спросил Лёшка.

— В ней змий поганый сидит, — объяснил обзлётанный старик.

МЕЛЬНИЦА

Мельник Сил Силыч Полубояров был мужик крепкий, ростом без малого в три аршина, с руками, словно клещи, длинными и цепкими.

За помол мельник брал натурой, десятую долю. Отсыпал зерно мерой большим ведром пуда на два. Делал ловко: загребёт с верхом, рукой незаметно придержит, глядишь — фунтов пять урвёт лишних.

«И откуда столько жадности в человеке!» — ворчали мужики. Однако мирились: других мельниц поблизости не было.

Плата за помол шла в барские закрома. У Ширяевой мельник был человеком своим, доверенным.

Лёшку Полубояров встретил насторожённо. Прошёлся глазами по мальчику, потрогал за плечи, посмотрел на руки, произнёс:

— Ростом не вышел. Да ладно, посмотрим, какой из тебя работник.

И Харитина покосилась на Лёшку.

— Питерский, — усмехнулась. Потом подумала и добавила: — Ладно, нам и питерский подойдёт.

На новой работе Лёшке сразу нашлось много разных дел. У Харитины воду таскать для индюшек, птичий помёт выскребать наружу, утром отгонять птиц на мельничное подворье, а к вечеру загонять назад в индюшатник. А ещё следить, чтобы индюки между собой не дрались, — чуть что, разгонять хворостиной.

У мельника — машинным маслом смазывать разные шестерни, следить, чтобы, упаси бог, зубчатая передача где-нибудь не заела, а главное смотреть за мешками: возвращать пустые мешки хозяевам.

Прошло несколько дней. И Полубояров и Харитина привыкли к помощнику. Стали они наставлять его уму-разуму.

— Ты, дурья голова, — говорила Харитина, — не забывай дырки в мешках прокалывать. Зазевался мужик, а ты и проткни. Пусть зерно сыплется, с-ы-ы-плется, — растягивала Харитина. — Индюшки его враз подберут.

— Ты, парень, того, — наставлял Полубояров. — Мешки возвращай с умом. Считаю так: раз, два, четыре. Понял? Она, мешку цена, хоть и грош, а всё же в хозяйстве вещь не лишняя. Да бери не всякий, бери с выбором, чтобы получше. Понял?

И чем больше крутился Лёшка в помощниках, тем больше ему находилось всяких занятий. Чуть задержится мальчик у Харитины, Полубояров уже кричит:

— Лёшка! Лёшка!

Едва пристроится к мельничным делам, с пригорка вопит Харитина:

— Лёшка! Лёшка!

Так и крутится мальчик целый день между Полубояровым и Харитиной, между мельницей и индюшатником, хоть разорвись на две части!

ПО ВОПРОСУ ЗЕМЛИ

Через несколько дней барыня вызвала Лёшку, стала расспрашивать о Петрограде.

Мальчик и Олимпиаде Мелакиевне принялся рассказывать про то, как разъезжали грузовики, про Арсенал и как арестовывали жандармов.

— Ох, ох, — вздыхала Ширяева. — И чего только люди хотят? Царя ни за что ни про что... Ну, а как мужики, про что мужики на селе говорят?

Лёшка замялся:

— Про всякое.

— Ну, а про что такое всякое? Про землю небось говорят?

— Говорят.

— Злодеи, — ругнулась Ширяева. — Разбойники.

Барыню на селе не любили. И за землю брала втридорога — сдавала в аренду за копну из трёх снятых. И к барскому лугу не подпускала. А с лесом! Да пропади ты пропадом, этот лес: дерево не руби, валежник не выноси, грибы, ягоды не собирай.

— Моё! — чуть что кричала Ширяева. — Что хочу, то и делаю!

О разделе помещичьей земли в Голодай-селе заговорили сразу же после Февральской революции. Шумели много. Дыбов предлагал идти и немедленно землю брать силой. Прасковья Лапина, так та за то, чтобы и вовсе прогнать Ширяеву. Дед Качкин заговорил о возможном выкупе. Однако многие колебались. А тут из уезда прибыл представитель. Собрали мужиков к собакинскому дому, и приехавший выступил с речью. Говорил долго: и о русском мужике — вековом кормильце, и о славном народе-богатыре, и о власти народной.

Развесили мужики уши, стоя слушают. Хорошие, сладкие речи. Кончил представитель выступать, а о земле ни слова.

— А как же по вопросу земли? — сунулся дед Качкин.

— С землёй? — Представитель задумался. И снова принялся говорить, опять долго и очень красиво. Произносил слова диковинные и непонятные. Запутал мужиков вконец, и те поняли только одно: землю самим не трогать ждать Учредительного собрания.

Что такое Учредительное собрание, когда соберётся и зачем его ждать, приехавший не объяснил.

Расходились мужики возбуждённые.

— Чего ждать? — выкрикивал Дыбов. — Брать землю — и крышка!

— Гнать Ширяеву взащей!

— Громить мельницу!

Пошуметь мужики пошумели, однако на этот раз разошлись по домам.

ЛЕЧЕНИЕ

Помещицу Олимпиаду Мелакиевну одолевали разные недуги: то голова, то печень болит, то неожиданно в барском боку заколет. А самое страшное: мучилась Ширяева по ночам — страдала бессонницей.

И барыня вспомнила Лёшку. Вызвала.

— Так ты, говоришь, у аптекаря служил?

— Служил.

— Толк в порошках понимаешь?

— Понимаю.

— Поедешь в город, — сказала Ширяева, — за лекарствами.

Дед Сашка забегал, засуетился. «Во как. Повезло, — радовался. Приметила, значит, внука». Запряг старик лошадей. Настелил побольше соломы. Тронулись. В дороге дед Сашка заговорил о болезнях.

— Оно, конечно, — рассуждал старик, — хворь — вещь поганая. Человек ли, зверь ли, птица — каждый от неё, проклятой, мучается. Только мнение моё такое — барыня наша прикидывается.

— Как — прикидывается? — не понял Лёшка.

— Очень тебе даже просто, — ответил старик. — Ничего у неё не болит. Это так, для фасону. Ширяевы — они все такие. И барыня прошлая тоже всё головой мучилась. А дожила до девяноста годов. Живучие, гады...

Наслушавшись дедовых речей, Лёшка устроил такое: вернувшись домой, смешал порошки — те, что от головы, с толчёным перцем, те, что для сна, с сушёной горчицей. Понёс барыне.

— Так какие от головы? — спросила Ширяева.

— Вот эти.

— А от бессонницы?

— Эти.

— Хорошо. Вот от головы мы и попробуем.

Налила Олимпиада Мелакиевна в стакан воды, развернула порошок, поднесла ко рту, высыпала на язык. И вдруг барыню словно громом ударило: перекосилась, закашлялась и выплюнула всё.

Перевела Ширяева дух.

— Ты что за гадость привёз? — набросилась, негодуя, на Лёшку.

— Так, так полагается. Так в Питере... Графиня Потоцкая их принимает. Это самые что ни на есть лучшие порошки, — уверяет Лёшка. Уверяет, а сам искоса поглядывает на помещицу: боится — не схватила бы лежащую на столе скалку.

Однако всё обошлось. Барыня успокоилась.

— Графиня, говоришь?

— Так точно, барыня, — заторопился Лёшка. — И графиня Потоцкая, и князь Гагарин, и генерал Зубов — все принимают.

— А как же их принимать? — уже совсем миролюбиво спросила Ширяева. Уж больно они злые. Чистый перец.

— А оно водичкой, водичкой запить, — стал объяснять Лёшка. — И сразу. И зажмурив глаза. И на язык поглубже. Оно и незаметно.

Барыня послушалась, приняла порошок. Каждый день стала Олимпиада Мелакиевна принимать изготовленные Лёшкой лекарства. Обжигает горчица рот, дерёт горло перец. Кривится барыня, но принимает. И что самое странное помогли порошки! И те, что от головы, и те, что для сна. На пользу пошли лекарства.

А как-то в гостях у Ширяевой был сосед помещик Греховодов. Разболелась у Греховодова голова. Олимпиада Мелакиевна ему и говорит:

— Одну минуточку. У меня чудесное есть лекарство.

Насыпал Греховодов порошок на язык и сразу же выплюнул. Набежали у бедного слёзы.

— Что же это вы, Олимпиада Мелакиевна? — обиделся гость. — Это же перец.

А Ширяева смеётся.

— Чудесные, — говорит, — порошки. Их в Питере все принимают: и графиня Потоцкая, и князь Гагарин, и генерал Зубов.

Подивился Греховодов, пожал плечами, однако новый порошок принимать отказался.

А ещё через несколько дней приехал в Голодай-село уездный лекарь. Олимпиада Мелакиевна и ему про чудесные порошки рассказала.

Лекарь заинтересовался порошками. Просил показать. Попробовал на кончик языка и те и другие.

— Нет, — сказал он Ширяевой, — тут что-то не то. В одном толчёный перец, в другом сухая горчица. Тут какое-то недоразумение.

— Какое ещё недоразумение! — возмутилась помещица. — Я пью. Мне помогает. И даже очень. Вы просто, батенька мой, отстали. В Питере их все принимают.

Выслушал лекарь барыню, усмехнулся.

— В отношении помогает, — сказал, — это у вас, милейшая Олимпиада Мелакиевна, самовнушение. Само-о-внуше-е-ние. А что касается Питера, то это какая-то шутка. Вы осторожнее, горло себе сожжёте, — сказал на прощанье.

— Подлец! — кричала потом на Лёшку Ширяева. — Отраву подсунул. Убийство задумал...

— Так ведь и графиня Потоцкая и князь Гагарин...

— Графиня Потоцкая... князь Гагарин... Ах, разбойник! — схватила Олимпиада Мелакиевна скалку и давай гоняться за Лёшкой. Догонит — ударит. Догонит — ударит.

Вернулся домой мальчик весь в синяках и увесистых шишках. Отлежался. С утра потащился на мельницу.

— Пошёл вон! — закричал Полубояров. — Барыня твоего имени слышать не хочут.

И Харитина сказал кратко, но ясно:

— Гнать велено.

— Эх, не повезло. Ой, как не повезло! — сокрушался дед Сашка. — И чего это она обозлилась?

НИКАКОГО УЧАСТИЯ

Весь март мужики только и думали, что о земле, ждали Учредительного собрания. Однако собрание отложили то ли на лето, то ли на осень. А тут всю разыгралась весна, прошла мутными ручьями по оврагам и балкам, зазвенела грачиным криком, залысела серозёмом на буграх и кручах. Подпирала пора сева. И снова зашумело село Голодай.

— Довольно, хватит, натерпелись. Мало ли нашей кровушки попито! кричал Дыбов.

Другие поддержали:

— Сжечь Ширяеву!

— Отнять землю!

— Разделить скот!

И мужиков прорвало, взыграла накипевшая злоба, кольнула крестьянские души, погнала, как листья в бурю, наперегонки, со свистом и завываньем в сторону господского дома.

Забегал дед Сашка, не знал, как и поступить. И от мужиков отставать не хочется, и как-то неловко вроде бы: сам в караульщиках у Ширяевой. Решил выждать, сел возле дома.

— Ты что, — крикнула, пробегая, Прасковья Лапина, — барыню пожалел?!

— У меня что-то ногу свело, — на всякий случай соврал Митин.

Ждал дед час, ждал два. Наконец не выдержал, решил: «Пойду-ка посмотрю, что-то там делается».

А тут с хуторов от невестки вернулся дед Качкин. Узнав, в чём дело, тоже заторопился. И старик совсем осмелел. Вместе с Качкиным побежали. И чем дальше они бегут, тем

больше у деда Сашки появляется прыти. Дед Качкин, большой, грузный, едва за ним поспевает.

— Стой, стой! — кричит Качкин.

— Давай, давай, уже близко, — подбадривает соседа дед Сашка.

Бегут старики, а навстречу им — будто армейские обозы при отступлении: кто пеше, кто конно, каждый как может, — тащат голодаевские мужики господское добро. Тарахтя по булыжной дороге, шли возы, груженные хлебом. Высекая из камня искру, лязгали барские плуги и бороны. Упираясь, ржали господские кони; выпучив от испуга глаза, мычали коровы.

— Мать честная! — восклицал дед Сашка. — Ить те добра сколько! — и прибавлял шаг.

— Стой, стой! — опять кричит Качкин.

Где уж! Старика не удержишь. Прибежал дед Сашка, да поздно.

На господском дворе ещё крутились мужики и бабы, но по всему было видно, что с господским добром покончили. Сунулся дед Сашка в амбары пусто. Заглянул в конюшни — коней словно и не было. Побежал в погреба хоть шаром покати.

— Опоздал, опоздал, — сокрушался старик, — и чего я, дурак, дожидался! Оно, конечно, надо бы сразу, со всеми. Эхма, никакого, выходит, участия.

ЛЕШИЙ

Разгромив ширяевское хозяйство, мужики бросились искать барыню. Нет барыни. Исчезла Олимпиада Мелакиевна. Поругались мужики, махнули рукой.

А барыня спряталась в индюшатнике.

В этот вечер, как и обычно, дед Сашка направился к мельнице. «Оно, пожалуй, можно уже и не охранять, — рассуждал старик. Однако многолетняя привычка взяла своё. — Пойду посмотрю. Как же оно теперь, интересно, будет с мельницей?»

Подошёл дед к мельничному подворью. Тишина. Стоит мельница. Стоит индюшатник. Журчит, пенится от весеннего раздолья в стороне река Голодайка. Застыл, словно войска на параде, за индюшатником лес.

Прошёл старик по подворью раз, два, подошёл к индюшатнику, смотрит: скоба не задёрнута. Подивился. Задёрнул скобу. Только задёрнул — слышит за дверью шорох и человеческий голос. Даже показалось старику, что имя своё услышал.

Дед попятился. Решил, что ослышался. Вытянул шею. И вдруг в дверь индюшатника послышался стук. Старик замер. Стук повторился: снова в дверь, потом в маленькое оконце.

Дед Сашка затрясся от неожиданности и набежавшего страха. Метнулся туда-сюда, потом, подхватив полы армяка, что было сил бросился назад в деревню.

— Нечистая сила! — закричал он с порога, влетая в избу к мельнику Полубоярову. — Леший, леший! — и закрестился.

— Что ты, какой леший, где леший? — набросился Полубояров.

— Ей-ей, леший. Не сойти с места. Стою я у мельницы, — рассказывал трясущийся дед Сашка, — а он из лесу — и в индюшатник. А потом как закричит, как замычит. Леший, вот крест, леший.

Полубояров переглянулся с женой. На всякий случай, та, так же как и дед Сашка, перекрестилась. Потом Полубояров поднялся, потянулся за шубой.

— Пошли, — сказал старику.

Однако дед Сашка оробел, упёрся. Тогда Полубояров достал из чулана берданку.

— Пошли, — повторил. — Не бойся.

Вышли. Подходили к мельнице осторожно, крадучись. Дед Сашка всё норовил стать за широкую спину Полубоярова и не переставал шептать какую-то молитву.

Рядом с индюшатником затаились. Кругом тихо, и в индюшатнике никакого движения.

— Ну, где твой леший? — усмехнулся мельник.

— Был, ей-ей был.

И вдруг в дверь кто-то застучал. Послышалось что-то вроде не то плача, не то стона. Дед Сашка подхватил края зипуна — и в сторону. И Полубояров, видать, оробел — тоже отступил. Стук повторился, дребезжащий, снова в дверь и, как тогда, в первый раз, опять в маленькое оконце.

— Пуляй! — завопил дед Сашка. — Пуляй!

Полубояров стрельнул.

— О-ох! — раздался женский всхлип, и всё замерло.

Ширяевой повезло. Выбила дробь стекло, но в барыню не попала. Однако ещё больше повезло деду Сашке. Быть бы ему Полубояровым нещадно битым. Да только в это время мимо мельницы проходили Дыбов, Качкин и другие голодаевские мужики. Услышали они выстрел, бросились к индюшатнику.

Увидав Олимпиаду Мелакиевну, мужики хотели тут же утопить её в Голодайке. Однако, когда поостыли, решили поступить иначе.

На следующий день надрали бабы с индийских петухов и кур перьев и пуху, мужики измазали Ширяеву дёгтем, обсыпали перьями, усадили в телегу, вывели коней за околицу, ударили, гикнули. Взвились барские рысаки — земля из-под копыт клином. Понеслись пугать встречных и поперечных невиданным чудом.

— Леший! Леший! — кричали вслед голодаевские мальчишки.

— Пава, как есть пава, — усмехались бабы.

ПРЯНИКИ

Два дня, словно ветер по полю, гуляла по Голодай-селу мужицкая злоба. С испугу бросил приход и уехал куда-то батюшка. Исчез и мельник Полубояров. Затаился, как мышь, притих — не услышишь — кулак и лавочник Пафнутий Собакин.

На третий день мужики заговорили о лавке. Вначале тихо по домам и углам, потом во весь голос прямо на улице. Лавку решили делить. Только Собакин оказался не глупым, вывез куда-то товары. Сунулись мужики в кулацкую лавку, а там пусто.

Вместе со всеми ходил и дед Сашка. Вернулся домой раздосадованный. Забрался на печь, лежит, сокрушается:

— Увёз, распроклятый, лавку. И куды он её, стервец, запрятал?!

И Лёшка вертелся тут же, и тоже ломал голову: «Куда он её запрятал?»

Покрутившись часок в избе, мальчик вышел на улицу, понёсся к приятелям. Он вызвал Соньку Лапину, Митьку Дыбова, Петьку Качкина и о чём-то с ними шептался. Потом все вместе направились к кулацкому дому.

— Ну, а вам чего? — набросилась на ребят собакинская жена.

— Нам Аминодава, — проговорил Лёшка.

Когда Аминодав вышел, отозвав кулачонка в сторону, Лёшка зашептал:

— А у Качкиных корова отелилась, так жеребёнок родился. Хочешь посмотреть?

— Да ну?! — подивился Аминодав.

— Вот крест, — побожился Митька. — С пятью ногами.

— С пятью?!

— С пятью, — подтвердила Сонька.

— И с козьими рогами, — продолжал сочинять Лёшка.

— А не брешете?

— Вот крест, — уверял Лёшка. — Побежали, а то он ещё подохнет.

Аминодав побежал за ребятами. Однако те, поравнявшись с качкинской избой, свернули не к хлеву, как ожидал мальчик, а к баньке.

Кулачонок остановился.

— Пошли, — подтолкнул Лёшка. — Он в баньке. Его туда для тепла.

— Это чтобы скотину не пугал, — подтвердил Митька.

Аминодав двинулся дальше, хотя уже и без прежней прыти. А когда подошли к баньке, то Лёшка, и Сонька, и Митька, и Петька все разом уже с силой втолкнули в неё Собакина.

Повалив мальчика на пол и прижав его грудь коленом, Лёшка зашептал:

— Говори, куда отец увёз лавку?

Аминодав заплакал, завертелся ужом, стал вырываться.

— Говори, — повторил Лёшка и ещё сильнее нажал коленкой.

Сонька схватила кулачонка за руки, Митька уселся на голову, Петька на ноги.

— Говори, говори, говори! — кричали ребята.

— Не знаю, — упирался Собакин.

Тогда Лёшка привлёк к себе мальчика:

— Говори, а то нос откушу. — Он наклонился к лицу Аминодава, заскрежетал зубами, раскрыл рот.

— А-ай!

— Говори!

Аминодав не выдержал, сдался.

Оставив Митьку и Петьку сторожить Собакина, Лёшка и Сонька помчались к деду Сашке.

— Дед, дед, — закричал Лёшка, — лавка нашлась!

— Ну, брехать, — не поверил старик.

— Нашлась, нашлась, — зачастила Сонька. — Она на хуторах, в подполе у тётки Мавры, у кулацкой сестры.

Дед сорвался с печки, помчался разыскивать Дыбова и других мужиков.

Аминодав не соврал. Товары нашлись. В этот же день состоялся делёж лавки. Добро раздавали Дыбов и Прасковья Лапина: мужикам — хомуты и подковы, бабам — ситец и мыло, девкам — помаду и ленты.

А Лёшка, Сонька, Митька и Петька получили по крашеному прянику: у Соньки в виде коня, у Митьки в виде козы, у Петьки тоже в виде козы, а у Лёшки — ребята никак понять не могли: уж больно он походил на ту тварь, рассказами о которой заманил мальчик собакинского сынка в баньку.

Пряники были старые, чёрствые, но вкусные.

КАРАТЕЛИ

Не только в Голодай-селе, но и по всей России в ту весеннюю пору 1917 года прошли крестьянские бунты и волнения. Крестьяне делили барскую землю. Рубили господский лес. Во многих местах запылали усадьбы. Временное правительство встало на защиту помещиков. По деревням и сёлам были разосланы карательные отряды.

Прибыли каратели и в Голодай-село. Устроили казаки в доме Собакина штаб и стали чинить расправу. Дыбова увезли в тюрьму. Прасковью Лапину избили до полусмерти. Старику Качкину выдрали бороду. Схватили и деда Сашку.

Принесли домой старика без памяти прямо с улицы, в одних подштанниках. Глянул Лёшка: рубцы на спине, на лице и на шее ссадины. Дед весь съёжился, стал маленький-маленький, ростом не больше Лёшки. Положили старика на живот: на спину нельзя, спина воспалилась, кровавая; повыли бабы и девки, потом разошлись, и Лёшка остался один. Смотрит на деда слёзы глаза туманят. Стряхнёт слёзы рукой, а они опять набегают.

Ночью старик очнулся, глянул на Лёшку — не узнаёт внука. Бормочет что-то дед Сашка, а что — Лёшка понять не может.

— Дед, дед! Что, а дед? — пристаёт мальчик.

Наконец разобрал: «Пить». Схватил Лёшка кружку, напоил деда. Пил старик жадно, кряхтел и стонал. Наконец отвалился от кружки и снова забылся.

Через час дед Сашка пришёл в себя.

— Лексей!

Лёшка бросился к деду.

— Лексей, — повторил старик. — Беги. Убьют они тебя. Беги, Лексей. Собакины не простят. Поезжай в Москву. — Дед говорил с трудом, делая остановки после каждого слова. — Разыщи Третью Тверскую-Ямскую и дом Зыкова. Он наш мужик, голодаевский, примет. Скажи: дед Митин просил.

Лёшка упрямо замотал головой.

— Беги, — простонал старик. Потом снова закрыл глаза и упёрся лицом в лежанку.

К утру дед Сашка скончался.

Глава третья

НАТАША

У ДЯДИ ИПАТА

Прибыл Лёшка в Москву, разыскал Третью Тверскую-Ямскую и дом Зыкова.

Извозничьим делом дядя Ипат занимался лет десять. Работал вначале по найму у московских господ, а потом и сам обзавёлся хозяйством. Постепенно хозяйство стало

расти. Вскоре Зыков приобрёл вторую лошадь и второй экипаж, наконец, третий. К этому времени подросли сыновья Степан и Илья. Втроём и разъезжали по московским улицам.

Потом грянула мировая война. Молодые Зыковы ушли на германский фронт, и дядя Ипат остался один. Трудновато пришлось поначалу. Однако мужик он был смышлёный, оборотистый. Подумал и приспособил к лошадям невестку, бойкую и румяную Дуняшу. Вместе с Дуняшей теперь и ездили. А третий конь как бы в резерве, на всякий случай. Конь был старый. Такого и держать невыгодно, да дядя Ипат привык к Буланчику. С него с первого и пошла зыковская удача. Продавать коня дядя Ипат счёл за дурную приметку. А тут подвернулся Лёшка.

Зыков долго смотрел на мальчика, не мог понять, кто он и зачем прибыл. Потом, когда понял, подобрел, стал расспрашивать про Голодай-село, про барыню Олимпиаду Мелакиевну и Собакина, про мельника Полубоярова и деда Сашку.

— Помер, значит, дед Сашка? — узнав о разгроме ширяевского хозяйства, проговорил Зыков. — Эх, царство ему небесное! Ну что же, — глянул на Лёшку, — оставайся. Только вот к делу тебя приставить надобно. Дармовой хлеб нынче-то дорог.

Жизнь в доме Зыковых начиналась рано. Чуть свет тётка Марья принималась возиться с горшками и плошками, ставила самовар, а потом будила мужа и Лёшку. Дядя Ипат в зевоте широко раскрывал рот и кричал в соседнюю комнату:

— Дунька! Дунька! Нечего бока отлёживать.

Дуняша сладко потягивалась и нехотя поднималась.

Наскоро умывшись, ели мятую картошку, пили чай без сахара и направлялись запрягать лошадей. Лёшка помогал дяде Ипату затягивать подпруги, обматывал Зыкова вокруг пояса кушаком, а затем открывал ворота. Дядя Ипат и Дуняша уезжали. Два раза в неделю Зыков напивался. Он бил тётку Марью, гонялся за Дуняшей и однажды до того излупил Лёшку, что тот неделю ходил с синяками.

Вначале мальчик сидел дома: подметал двор, чистил конюшню, сгребал в кучу навоз. Потом дядя Ипат стал брать его с собой в город, приучать к извозничьему делу. Лёшка долго путал Ильинку с Ордынкой, Плющиху с Палихой, Покровские ворота с Петровскими и никак не мог уяснить, где находится Камер-Коллежский вал. Дядя Ипат злился и начинал пояснять:

— Камер-Коллежский вал, он и тут, рядом с твоим домом, и тама, на другой стороне Москвы. Если Бутырский — этот от Брестской площади, а раз Золоторожский — так вали за реку Яузу. А есть ещё Симоновский и Семёновский, Крутицкий, Покровский, Госпитальный... — Зыков без удержу сыпал названиями и вконец запутывал Лёшку.

Но время шло, и мальчик стал привыкать к мудрёному расположению московских улиц. Наконец наступил день, когда дядя Ипат сказал:

— Ну, будя. Время не ждёт. Запрягай Буланчика — и с богом.

В середине апреля Лёшка совершил свой первый самостоятельный выезд. Вскоре у мальчика появились излюбленные места: у Курского вокзала — к приходу крымских поездов, у городской думы — к концу заседаний, у Сухарева рынка — в разгар базара. А когда к Лёшке никто не садился, он медленно ехал по Тверской или Кузнецкому и выкрикивал:

— Эх, прокачу! Эх, прокачу!

Кричал Лёшка громко, призывно. Глядишь, кто-нибудь не устоит да и сядет.

Все мальчишки с Ямской теперь смотрели на Лёшку с завистью. Взрослые извозчики ухмылялись. Даже Дуняша как-то сказала:

— Ну и здорово это у тебя получается!

Новое ремесло Лёшке понравилось.

ГОЛОВА КРУГОМ

Третий месяц Москва без усталости митинговала. Спорили всюду: на площадях, в переулках, дома, на службе. Больше всего спорили о войне.

— Война до победного конца! — кричали те, кто был побогаче.

— Хватит, навоевались! — отбивался фабричный люд и повидавшие виды солдаты.

Часто на трибунах появлялись большевики. Говорили горячо, убеждённо. Кончали одним:

— Мир без аннексий и контрибуций.

Горожане ходили, слушали, хлопали и тем и другим, а больше всего тем, кто выступал красиво.

О большевиках говорили разное, нередко дурное. Вот и дядя Ипат:

— Мира захотели. Предатели! А родина как? Ты, Алексей, того, наставлял он Лёшку, — слушать слушай, а дело веди исправно. Жизнь, она и есть жизнь. Покричат и умолкнут. Эх, времечко, — вздыхал Зыков. Никудышные ноне пошли времена.

А мальчику всё интересно. И о чём говорят на Тверской у памятника генералу Скобелеву, и о чём на Страстной у памятника Пушкину, и о чём это шумит народ на Лубянке возле Китайгородской стены. Гоняет Лёшка по городу, а потом нет-нет да и пристанет к какому-нибудь митингу. Стоит слушает.

Шумит, митингует Москва. Произносятся длиннющие речи. Не слезают с трибун ораторы. Одни хвалят, другие ругают Временное правительство. Одним за войну, другие — да пропади она пропадом!

Слушает Лёшка, от слов и речей — голова кругом.

МЯЧИК

Как-то Лёшка привёз седока в Брюсовский переулок. Приехавший расплатился и исчез в воротах высокого дома. А Лёшка поудобнее устроился на козлах, достал краюху хлеба и стал жевать. И вдруг из-под ворот выкатился мячик. Он угодил под пролётку и остановился у ног Буланчика. И в ту же минуту, весело смеясь и держась за руки, выскочили на улицу мальчик и девочка. Девочка была маленькая, худенькая, в розовом платице, с огромным бантом-бабочкой на голове.

Мальчик постарше, ростом с Лёшку, только в плечах уже, а телом потолще. На голове у мальчика была бескозырка с лентами и надписью «Верный». Увидев мяч под ногами лошади, дети остановились. Мальчик сделал шаг к Буланчику, но конь повернул в его сторону голову, и тот отступил назад. Тогда Лёшка слез с козел и достал мячик.

— Мерси, — проговорила девочка.

— Что? — не понял Лёшка.

— Спасибо.

Лёшка улыбнулся. Снова полез на козлы и стал доедать краюху. Однако дети не уходили. Девочка пристально смотрела то на Лёшку, то на Буланчика, то снова на Лёшку, наконец спросила:

— Это ваша пролётка?

— Эге.

— Прокатите.

— А деньги у тебя есть?

Денег у девочки не было.

— Задарма нельзя, — объяснил Лёшка.

Дети о чём-то пошептались и убежали. Через несколько минут они вернулись, и мальчик в бескозырке протянул Лёшке рубль.

Лёшка повёз детей по Тверской, потом через Камергерский проезд, выехал на Большую Дмитровку, спустился к Охотному ряду и поехал по Моховой. Девочка не спускала восторженных глаз с Буланчика и всю дорогу приставала с расспросами:

— Это рысак?

— А как его звать?

— А где он живёт?

— А что он ест?

— А где его взяли?

Лёшка объяснял не без удовольствия.

Потом полез мальчик.

— Какой же это рысак? — проговорил он с усмешкой. — У рысака и шея длинная и ноги тонкие.

Лёшка смутился. У Буланчика действительно и шея была не длинной и ноги совсем не тонкими. Спорить он не решился. Но и продолжать разговор с девочкой уже расхотелось. Оставшуюся часть пути ехали молча.

Когда пролётка снова остановилась в Брюсовском переулке, девочка сказала:

— Мерси.

Она ловко прыгнула на тротуар, взяла мальчика за руку, и дети умчались.

Лёшка уехал. Уже вечером на дне пролётки он обнаружил забытый девочкой мячик.

«ЗАЁМ СВОБОДЫ»

Дядя Ипат порой покупал газету «Русское слово». Читал он не торопясь, вслух произнося заголовки и разбирая содержание статей и заметок. В этот вечер Зыков опять принёс своё любимое «Русское слово».

— Про заём слышал? — обратился он к Лёшке.

— Это тот, что в прошлом году?

— Нет, новый, — ответил дядя Ипат. Он сел за стол и развернул газету.

— «Граждане, подписывайтесь на заём свободы», — прочитал Лёшка крупный заголовок, набранный во всю первую полосу. Чуть ниже было напечатано воззвание Временного правительства.

— «К вам, граждане великой свободной России, — стал читать Зыков, — к тем из вас, кому дорого будущее нашей родины, обращаем мы наш горячий призыв... Не жертвы требует от вас родина, а исполнения долга...»

Но Лёшка не стал следить за дядей Ипатом. Он уставился в левый столбик газеты. Там крупными буквами были набраны разные имена. Имена были в чёрных рамках. Они-то и привлекли внимание мальчика. «Тело убитого в бою 5 февраля с. г., - читал Лёшка, — прапорщика Александра Семёновича Суровежина прибыло 5 апреля на Брянский вокзал...»

— Ты куда смотришь? — прервал мальчика дядя Ипат. — Сюда смотри! — На сей раз он ткнул в обращение Государственной думы. Потом прочитал статью под заголовком «Всё для войны, всё для свободы» и принялся изучать условия нового займа.

А Лёшка опять стал смотреть в столбик налево, туда, где были напечатаны фамилии погибших.

— Эна она чего, — неожиданно проговорил дядя Ипат, — сроком на пятьдесят четыре года, пойдёшь доживать ты до этого времени. Ты ещё доживёшь, — сказал он Лёшке. — Заём, стало быть, для тебя в самый раз, — и засмеялся.

О новом займе кричали все. Даже в субботу, когда Лёшка с дядей Ипатом ходил в церковь, батюшка и тот говорил про то же.

— Откликнемся на сей призыв, — выводил батюшка. — И в оные времена, в тяжкие години нашествия иноплеменников, верующие оказывали великую любовь земле Русской. Вспомним священный клич Козьмы Минина, зложим жён своих и детей для спасения родины.

Батюшка ещё что-то сказал про гнев русского воинства и кончил нараспев, растягивая слова:

— Подпи-шемся на за-ём и в отде-льно-сти-и и в скла-дчи-ну-у. Да благослови-ит госпо-о-дь святы-ые начина-ания. Ами-инь.

Вспомнив слова дяди Ипата, Лёшка решил подписаться. Думает: буду каждый день с выручки недодавать по пять копеек, соберу рубль и подпишусь. Однако на следующий день в районе Таганки мальчик угодил на какой-то рабочий митинг и подивился — рабочие отказывались признавать заём.

— Так, значит, заём свободы, а деньги прямо на войну? — говорил какой-то мастеровой. — Не на свободу, а на войну. За наши копейки и нас же в солдаты. Так, что ли?

Теперь Лёшка заколебался. А ещё через день мальчик был у Страстной площади и слышал совсем другое:

— Нет, не напрасно так назван новый заём. Сказать сегодня «всё для войны» — это значит сказать «всё для свободы»! Граждане, спасём отечество! Подпишемся на новый заём!

«Подпишусь», — решил Лёшка. И стал собирать деньги.

СНОВА НА БРЮСОВСКОМ

Лёшка не собирался больше на Брюсовский. А тут мячик. Пришлось ехать.

Остановившись у знакомой подворотни, Лёшка стал соображать, как же ему разыскать девочку, но тут вышел на улицу мальчик в бескозырке, посмотрел на Лёшку, проговорил:

— Проваливай. Нечего тут стоять.

Лёшка сделал вид, что не слышит, но мальчик повторил снова:

— Проваливай! Кому говорят!

— А тебе что? Место тобой не куплено, — огрызнулся Лёшка.

— Проваливай!

И Лёшка не выдержал. Он вмиг слетел с козел, сжал кулаки. И мальчик сжал кулаки. Ребята стояли друг против друга, и Лёшка уже примерял, с правой руки или с левой

ударить, как вдруг появился дворник. Дворник замахнулся на Лёшку метлой, назвал его ванькой и грозился пообломать бока и ему и лошади.

Лёшка плюнул. Решил: чёрт с ним, с этим мячиком! Снова залез на козлы. Тронул Буланчика. И вдруг Лёшка увидел девочку. Она шла навстречу и махала рукой. Лёшка остановился, отдал ей мячик.

— Спасибо, — проговорила девочка и неожиданно полезла в пролётку. Прокати!

Девочку звали Наташей. Лёшка узнал, что она учится в гимназии во втором классе, что папа у неё чулочный фабрикант, что он член городской думы и что у Наташи нет матери: уехала с капитаном.

— Как — уехала?! — удивился Лёшка.

— Взяла и уехала.

— А как же отец? Чего отпустил?!

— А она не сказала. Потихоньку взяла и уехала.

За воспитанием девочки следила гувернантка мадам Фишер.

— Она наполовину немка, наполовину полька, — объяснила Наташа.

— А кто тебе тот, в бескозырке? — спросил Лёшка.

— Никто. Это Вова. Мы вместе живём на даче. Вова очень хороший, проговорила Наташа.

Лёшка нахмурился.

— У него папа полковник, — продолжала девочка. — Он на войне. Он герой. У него Георгиевский крест. А кто у тебя папа? — спросила Наташа.

— Генерал, — неожиданно выпалил Лёшка.

— Генерал?!

— Да, — проговорил Лёшка. — Генерал Зыков.

ПЕРВОЕ МАЯ

Про Первое мая Лёшка слышал впервые. Он стал приставать к дяде Ипату.

— Праздники бывают разные, — принялся объяснять дядя Ипат. — К примеру, рождество или пасха — так эти церковные. А есть гражданские: Новый год. А был ещё день рождения царя и царицы...

— Ну, а Первое мая? — напомнил Лёшка.

— Этот мастеровые придумали.

— А чего они празднуют?

Зыков задумался.

— Ну, как чего? Чего люди празднуют? Вот и они празднуют.

И Лёшка решил посмотреть на праздник своими глазами. Поехал на Красную площадь. Прибыл к десяти часам утра, а там пусто. День был холодный. В ночь шла снежная крупа, а сейчас моросил мелкий дождь. У торговых рядов, ёжась, стояло несколько человек. Среди них маленькая дряхлая старуха с дырявым зонтом. Видимо, тоже пришла посмотреть на рабочий праздник.

Лёшка остановил Буланчика. Вскоре на площади стали собираться люди: по одному, по двое, потом целыми группами.

Мальчик надеялся увидеть рабочих. Однако первыми на площадь вступили юнкера Александровского училища. Они шли стройными рядами с генералами и офицерами впереди, с оркестром и несли знамёна, на которых было написано: «Народ и армия едины!» и «Война до победного конца!».

Потом появились торгово-промышленные служащие, потом шли учителя и ещё какие-то группы. Лёшка читал лозунги: «Да здравствует Временное правительство!», «Покупайте заём свободы!», «Наша кровь вопиет о победе!».

По площади проходили всё новые и новые люди. Появились красные хоругви с жёлтыми кистями, новые плакаты, новые лозунги. А рабочих всё не было и не было. Лёшка напрасно вытягивал шею.

— А где рабочие? — спросил мальчик у старухи.

— Милай, да где же ты ищешь рабочих, — проговорила старуха. — Ты бы ехал на Таганку или к Андроневу монастырю. Там, говорят, рабочие.

Лёшка решил поехать.

— И я с тобой, — увязалась старуха.

Рабочих встретили за Солянкой у моста через реку Язу. Вперемешку с солдатами они спускались к реке по Таганской улице. А ещё больше народу шло со стороны Землянки по Николо-Ямской. На мосту проходил митинг.

— Чего они? — спросил Лёшка у бабки.

— У них здесь в Февральскую революцию мастерового застрелили Астахова, — ответила старуха. — Жандармы убили.

Все стояли с непокрытыми головами, и Лёшка снял шапку. Как и на Красной площади, здесь было много знамён и разных лозунгов. Только лозунги были другие: «Долой войну!», «За 8-часовой рабочий день!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Наконец митинг окончился. Лёшка спрыгнул на землю и подбежал к какому-то парню:

— А чего вы не на Красной площади?

— Ничего, придёт время, будем и на Красной, — ответил рабочий и хитро подмигнул мальчику.

— А чего же вы празднуете?

— Празднуем? — Парень задумался. — Силушку, браток, проверяем, нашу, рабочую, ту, что и царя скинула и ещё кой до кого доберётся. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка и помчался назад к пролётке.

Дождь успокоился, перестал моросить. Выглянуло солнце. Вначале робко, крадучись по крышам соседних домов, потом спустилось на улицы. И вдруг жгучими весенними лучами залило всё: и Москву-реку, и Яузу, и идущих людей, и пролётку.

Демонстранты запели: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на борьбу, люд голодный...»

«Выходит, и тут, как в Голодай-селе», — мелькнуло в голове мальчика.

ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ

Май не принёс москвичам большой радости. С трёх до двух фунтов в месяц сократили выдачу сахара, с фунта до трёхсот граммов в день хлеба, в два раза снизили потребление электричества. Снова, как при царе, забастовали заводы. Рабочие требовали повысить заработную плату. Так было на фабрике Ханжонкова, на слесарно-механическом заводе «Д. Людвиг и В. Кушников» и в других местах.

К концу месяца положение и вовсе обострилось. Появились призывы: «Долой министров-капиталистов!», «Никакого доверия Временному правительству!».

Лёшка и в первые дни привозил мало денег. А теперь так и вовсе. Мальчик часто возвращался домой с пустыми карманами.

— Ты что, — обозлился как-то дядя Ипат, — нынче снова ничего не привёз?! — Потом посмотрел пристально на Лёшку, притянул к себе: — Крадёшь деньги, стервец! Крадёшь. Я тебе покраду!

Зыков всё чаще и чаще стал напиваться. Бил и Лёшку, и Дуняшу, и тётку Марью. Ругался, что дорог овёс, грозился продать Буланчика и выгнать Лёшку.

Единственная радость у мальчика — встречи с Наташей. Уедут они к Тверскому бульвару или к Чистым прудам, переберётся девочка на козлы, возьмёт в руки вожжи: «Но, пошёл!» Смелая Наташа, ловкая. Бежит Буланчик, приседает пролётка от тряски по булыжной мостовой. Хорошо Лёшке!

— Эй, берегись! Эй, сторонись! — кричит прохожим Наташа.

Смеётся Лёшка.

Любил Лёшка рассказывать Наташе всяческие истории. Мастак был. Уж такое придумает! Особенно про генерала Зыкова. Получалось из Лёшкиных рассказов, что более храброго генерала, чем Зыков, в русской армии нет. Кто один разбил австро-германскую армию? Зыков. Кто спас русскую армию от окружения в прошлом году? Зыков. С генералом Зыковым даже бывший царь за ручку здоровался!

Затаит Наташа дыхание, слушает.

— Ещё, ещё, — просит рассказчика.

Как-то в воскресный день Лёшка с Наташей уехали на Воробьёвы горы, вылезли из пролётки, помчались к Москве-реке. Вода была холодной, и никто не купался. А вот Лёшка разделся — и бух в воду.

— Не надо! Не надо! — закричала Наташа.

А у Лёшки от этого только задору прибавилось. Отплывает от берега всё дальше и дальше, фыркает, плескается, через голову переворачивается.

— Алёша! Алёша! — кричит Наташа.

Потом, взявшись за руки, они вместе носились по кручам. Светило солнце. Кричали птицы. Где-то над берегом пела гармоника...

Но вот как-то Лёшка с Наташей ехали по Петровке. Здесь они и столкнулись с дядей Ипатом.

— Лёшка! — закричал Зыков. — Лёшка!

Мальчик поспешно свернул к Неглинной.

— Что с тобой? — удивилась Наташа. — И почему тот, с бородой, кричал?

— Да кто его знает, — ответил Лёшка. — Овса, наверное, хотел спросить. С овсом теперь трудно.

В этот вечер Лёшка допоздна не возвращался домой. Потом, не торопясь, распрягал Буланчика, долго возился в конюшне и, прежде чем переступить через порог, всё у дверей топтался.

— Иди-ка сюда, — поманил дядя Ипат. Однако разговор начал спокойно, без крику. — Ты что же, — проговорил, — шуры-муры разводишь? Я-то тебя по-хорошему, по-родственному. А они вон куды, мои денежки идут.

Несколько раз Зыков порывался встать, но снова садился. Наконец выговорившись, дядя Ипат поднялся, взял Лёшку за грудь и потрянул, словно куль. И вдруг из Лёшкиных карманов посыпались медяки, те, что он собирал на заём свободы.

— Ах, стервец! — заревел Зыков. Он наотмашь ударил мальчика по лицу.

На крик выбежали тётка Марья и Дуняша.

— Брось, брось, Ипат Игнатич, — стала просить тётка Марья и хватала Зыкова за руки.

— Батя, батя, да за что? — голосила Дуняша.

А дядя Ипат продолжал наступать и выкрикивал:

— Шуры-муры? Ах, стервец! Такова-то твоя благодарность! — И снова всыпал Лёшке, бил с левой, и с правой, и в лицо, и в шею.

На следующий день дядя Ипат неожиданно услал Лёшку и Буланчика с каким-то бородатым мужиком на неделю в город Сергиев-Посад. И Лёшка уехал, так и не успев предупредить Наташу.

«ГЕНЕРАЛ» ЗЫКОВ

Три дня прождав Лёшку, Наташа пошла на Тверскую-Ямскую разыскивать дом генерала Зыкова.

Дома на Ямской были маленькие, больше деревянные, и Наташа долго раздумывала, какой же из них может принадлежать генералу. Наконец выбрав самый большой и красивый, она обратилась к какой-то женщине.

Зыков? — переспросила та. — Генерал? Может быть, полковник? Полковник Тёлкин?

Нет, генерал, — сказала Наташа. — У него сын — Лёшка. У Лёшки своя лошадь — Буланчик.

— Нет, не знаю, — ответила женщина.

Наташа ходила из конца в конец по Третьей Тверской-Ямской. Заглянула на Первую, Вторую и даже Пятую. О генерале Зыкове и мальчике, который имел свою лошадь, никто ничего не знал. Наконец на глаза Наташе попался какой-то дворник.

— Енерал Зыков, — усмехнулся тот. — Есть такой енерал. И Лёшка есть. Вон там. — И дворник показал на одноэтажный деревянный домик.

Дядю Ипата Наташа встретила во дворе, с метлой в руках.

— Здравствуйте, — сказала Наташа. — Здесь живёт генерал Зыков?

— Зыков? Ну, я Зыков, — проговорил дядя Ипат.

Он удивлённо посмотрел на девочку, сиюсь понять, не ослышался ли в слове «генерал». И Наташа с удивлением смотрела на дядю Ипата, на метлу, на его кудлатую бороду, на сатиновую одноцветную рубаху, на пыльные, с огромными заплатами сапоги.

— Ну, я Зыков, — повторил дядя Ипат и вдруг признал в Наташе ту самую девочку, которую встретил вместе с Лёшкой тогда на Петровке.

И Наташа тоже узнала дядю Ипата.

— Генерал?! — заревел Зыков. — К Лёшке пришла. К нему, к шаромыжнику. Кататься!

— Он замахнулся метлой.

Наташа невольно подалась в сторону.

— Простите. Я думала... Лёша мне говорил... — Девочка повернулась, бросилась к выходу.

— Стой! Стой! — закричал дядя Ипат.

Наташа остановилась. Зыков подошёл, спросил совсем мягко, почти просительно:

— А твой папаша, случайно, овсом не торгует?

— Нет, — словно извиняясь, проговорила Наташа. — У него чулочная фабрика.

— Жаль, — произнёс дядя Ипат.

Наташа ушла.

— Ишь, щенок, напридумал, — усмехался дядя Ипат, входя в комнату. «Генерал»! — Он подошёл к зеркалу, посмотрел. — «Генерал»! Ишь ты, стервец.

А через несколько дней, когда Лёшка вернулся из Сергиева-Посада, Зыков напился и снова драл мальчика.

— Щенок! — кричал. — Шуточки шутишь. Над благодетелем насмехаешься! и ударил с такой силой, словно хотел перерубить Лёшку.

«ЭХ, НАТАША, НАТАША!»

Зазеленела Москва. Забушевала листвой на бульварах и скверах. Заголосила грачами и галками на тополях и развесистых клёнах. Оделся город в пёстрые платья и цветные рубахи. Заулыбался от тепла и яркого солнца. Только Лёшке вся эта радость не в радость. Помрачнел. Замкнулся. Ушёл в себя.

— Да будя, будя, — успокаивает мальчика тётка Марья.

— Лёш, Лё-ёш, ну, улыбнись, а Лёш, — тормозит мальчишку Дуняша.

А тот молчит, только больше мрачнеет. Несколько раз Лёшка ездил на Брюсовский. Напрасно. Девочка не выходила.

«Эх, Наташа, Наташа! — вздыхал Лёшка. — Подумаешь, чулочная фабрика. Может быть, когда Лёшка вырастет, у него и не то будет!»

Лёшке и ясно, что дружбе конец, и всё же не верится. Вспоминает Москву-реку, Воробьёвы горы. Эх, Наташа, Наташа!

Прошло две недели. Как-то Лёшка ехал по Охотному ряду. Буланчик шёл шагом, и мальчик размышлял, не заехать ли ему снова на Брюсовский, как вдруг услышал знакомый голос:

— Это рысак?

— А как его звать?

— А где он живёт?

Поднял глаза — Наташа! Девочка сидела на козлах рядом с каким-то бородачом в стоящей у тротуара пролётке, держала в руках вожжи и с восторгом смотрела на стройную лошадь. Сзади на пассажирском сиденье всё в той же бескозырке с надписью «Верный» развалился полковничий Вова.

— Наташа! — окликнул Лёшка.

Вова первым повернул голову.

— Ванька! Ванька! — закричал он и стал тыкать в сторону Лёшки пальцем.

Лёшка покраснел, растерялся, как-то съёжился весь и отвёл глаза в сторону. Он не видел теперь Наташу. Он услышал лишь её тихий смешок и снова:

— Ванька! Ванька!

— Но! — закричал Лёшка и с силой ударил Буланчика.

В этот же вечер на Брюсовском Лёшка подкараулил мальчика в бескозырке. Лёшка давно не дрался с таким наслаждением. Он дубасил противного Вовку за всё, бил по спине, по лицу и по шее, бил и за «ваньку», и за «рысака», и за бескозырку с надписью «Верный», и за Наташу, и за папу полковника.

Потом, когда Вова всё же вырвался из Лёшкиных рук и побежал, мальчик сплюнул через плечо и, не поворачивая головы назад, решительно пошёл прочь с Брюсовского.

И снова дни пошли своим чередом. Только почему-то совсем невезучие. К Лёшке в пролётку никто не садился, и мальчик опять возвращался с пустыми карманами.

— Ты что же, снова с деньгами шельмуешь?! — кричал дядя Ипат. Он поднимался, большой, угловатый, приносил ремённые вожжи.

Лёшка не сопротивлялся. Покорно ложился на лавку.

— Брось, брось, — заступалась тётка Марья.

— Батя, батя, — молила Дуняша.

Но от этого дядя Ипат свирепел ещё больше. Бил во всю силу, долго и зло.

ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

В самый разгар лета прибыл в родительский дом Степан Зыков. Вошёл, брякнул орденами. Глянул Лёшка: в ряд один к одному четыре Георгиевских креста на груди героя.

— Кавалер, полный георгиевский кавалер! — закричал дядя Ипат и стал обнимать сына.

— Батюшки, — всплеснула руками тётка Марья и принялась плакать.

А через час вернулась Дуняша, стала в дверях, обомлела. Смотрит и не верит своим глазам, словно и не Степан вернулся.

— Дура! — крикнул дядя Ипат. — Чай, муж прибыл. В ножки ему, в ножки герою!

Дуняша заголосила, бросилась на пол.

Пили и ели в этот день, не жалея брюха. Невесть откуда тётка Марья достала копчёного сига, напекла пирогов, а в щи наложила целую гору мяса. Смотрел Лёшка на стол — дух перехватывало.

— За героя! — кричал дядя Ипат. — За полного георгиевского кавалера! — и пил вино полными стаканами, как воду.

Поинтересовавшись, как сын доехал, дядя Ипат стал допытываться, за что кресты.

— Первый, он ещё с 1914 года, — объяснял Степан, за штыковую атаку под городом Перемышлем. А этот, — Степан показал пальцем на второй крест, — за спасение знамени полка. Третий крест был за прорыв австро-венгерского фронта и пленение германского генерала. Четвёртый за сбитый аэроплан.

— Да ну? — подивился дядя Ипат. — Значит, упал?

— Упал.

— Ну, а германец?

— Убился, — ответил Степан.

— Ура! — закричал Зыков. — Туды ему и дорога!

Лёшка слушал, а у самого душа замирала. И представлялась ему одна картина необычнее другой. Не Степан ходил в штыковую атаку под городом Перемышлем, и вовсе не Степан спасал полковое знамя, брал в плен генерала и сбивал германский аэроплан, а он, Лёшка. И полным георгиевским кавалером тоже был Лёшка. А потом мальчик приехал в Москву. Все с завистью смотрели на героя. И Наташа смотрела. Плакала, просила прощения, но он проходил мимо.

— Ну, а как оно, начальство? — расспрашивал дядя Ипат. — Как генерал? Стало быть, доволен?

— Да всякое бывает.

— Ну, а германца как, скоро побьём?

— Да может, и скоро. Только вот большевики сильно смущают. За «долой войну» большевики.

— Они и здесь кричат, — произнёс дядя Ипат. — Эх, времечко. Оно-то при царе надёжнее было.

— Да всё едино, — ответил Степан. — Замаялся народ. И солдату война во. — Он провёл рукой, словно ножом по шее. Потом наклонился к дяде Ипату, проговорил тише: — Войну-то пора кончать, батя. Поди, правы большевики.

Дядя Ипат удивлённо глянул на сына, ничего не ответил.

— Ну, а как у вас там, на фронте, с овсом? — спросил неожиданно.

— Да будя вам, — вмешалась тётка Марья. — От леший, — набросилась на мужа, — и чего привязался!

— Цыц, дура! — крикнул дядя Ипат. — Надолго ты, сынок? — обратился к Степану.

— На три дня.

— Ну, выпьем.

И они выпили за скорейшее дарование победы российской армии. На следующий день Степан решил вспомнить старое, запряг коня и с утра выехал в город. Следом за Степаном поехал и Лёшка. Люди останавливались, смотрели на георгиевского кавалера. На Тверской у Страстного монастыря вокруг Степановой пролётки собрался народ. Набежали кадеты, студенты, какие-то дамочки. Они кричали «Ура!» и «Слава герою!».

Неожиданно в пролётку полез какой-то субъект в пенсне. Выкинув вперёд руку, стал говорить о спасении родины, о защите революции и ещё о чём-то, но Лёшка не смог расслышать — его оттеснили в сторону.

И снова все кричали: «Ура!», «Браво!», «Слава герою!». И Лёшка кричал со всеми.

Потом появился какой-то инвалид, тоже полез в пролётку и, потрясая в воздухе культяпками, посылал проклятия германскому извергу.

Толпа гудела, двигалась, кричала и возбуждалась всё больше.

— Ра-се-я! Матушка! — ревел инвалид. — Не отдадим Ра-се-ю!

— Ну, хватит, — проговорил Степан и вытолкнул инвалида из пролётки.

Три дня Лёшка не сводил восхищённых глаз со Степана. Потом солдат снова уехал на фронт.

А ещё через день исчез Лёшка. Обыскались Зыковы, а его нет и нет, словно и на земле не жил.

Глава четвёртая

«АГИТАТОР»

НА ФРОНТЕ

Войска полковника Громолысова занимали участок фронта от села Дудницы до реки Рыськи. В Дудницах был штаб. А сразу же за селом начинались проволочные заграждения. Затейливо петляя по лугу, они переходили на правый, чуть возвышенный берег реки и терялись в дубовой роще.

Полк занял оборонительный рубеж ещё осенью прошлого года и с той поры стоял без всякого движения. Солдаты привыкли и к Рыське, и к Дудницам, и к тому затишью, которое держалось вот уже около года. Тут они перезимовали, тут встретили весть о свержении царя, перемесили весеннюю грязь и дождались лета.

Ещё с весны солдаты заговорили о мире, о земле, о скором возвращении домой к жёнам и детям. Однако война не кончалась. Не решался вопрос и с землёй. К лету дисциплина в полку Громолысова заметно пала. Солдаты уже без прежнего почтения относились к офицерам и к самому полковнику. В окопах роптали на жизнь, на

Временное правительство и всё чаще поговаривали о том, что пора-де Громолысову показать дулю, бросить ружья, а самим — по домам. Обстановка в полку накалялась.

Разное бывало в полку, а вот такое случилось впервые: в один из июньских дней адъютант командира полка прапорщик Лещ доложил полковнику Громолысову о необычайном происшествии, случившемся на их участке фронта, — в окопах появился мальчик, назвался Лёшкой.

— Мальчик? — переспросил Громолысов.

— Так точно, — ответил Лещ.

— Немедля отправить с фронта, — распорядился полковник.

— Слушаюсь.

Лёшку отправили.

Однако прошёл день, и прапорщик снова докладывал командиру полка о появлении мальчика.

— Ещё один?! — удивился полковник.

— Нет. Тот самый.

— Вот как! Вы что же, его не отправляли?

— Отправил.

— Так что же?

— Так он обманул сопровождающих солдат и начальника станции и снова вернулся.

Тогда Громолысов распорядился привести Лёшку. Он долго смотрел на щуплую поджарую фигурку мальчика, на большие горящие возбуждением и упрямством глаза, наконец произнёс:

— Патриот, значит. Защитник отечества!

Прапорщик Лещ хихикнул.

— Я хочу сбить германский аэроплан, — проговорил Лёшка.

— Аэроплан?!

— Он всё про какого-то Степана Зыкова говорит, — произнёс Лещ.

— А кто такой Степан Зыков?

— Полный георгиевский кавалер, — выпалил Лёшка.

— Ах, вот оно что! — Полковник задумался. — Значит, ты за войну. До полной победы!

— Я хочу германский аэроплан, — повторил мальчик.

Лещ снова хихикнул. Однако Громолысов строго посмотрел на своего адъютанта, потом перевёл взгляд на Лёшку и, к превеликому удивлению Леща, отдал приказ оставить мальчишку на фронте.

— Пусть покрутится среди солдат, — проговорил полковник. — Для нас и такой агитатор — клад.

— Агитатор! — хихикнул прапорщик Лещ.

В ОБОЗНОЙ КОМАНДЕ

Ружья Лёшке не дали. Приписали в обозную команду к походной кухне.

— Да ты, — говорил Пятихатка, полковой повар, — не горюй. Старайся, так, может, и ружьё дадут и в разведку посылать станут.

И Лёшка вовсю старался. Он колол и пилил дрова, размешивал длинным черпаком кашу, до блеска надраивал котлы. А вечерами они с дядей Акимом укладывались под колёса походной кухни, и мальчик приставал с расспросами. Начал с аэропланов.

— Летают, — отвечал Пятихатка. — Только я всего раз их и видел. Аккурат летом прошлого года. А зачем тебе аэроплан?

Лёшка не ответил и тут же полез с новым вопросом:

— А за что кресты дают, дядя Аким?

— За разное, — неохотно ответил солдат.

— А за что — за разное? — не отставал Лёшка.

— За пленение германского офицера, — стал перечислять Пятихатка, — за спасение полкового знамени, за вынос с поля боя раненого командира. За разное дают. Только ведь его и заслужить не просто. Жди ты, пока тебе германский офицер дастся. А знамя, так ведь оно и всего одно на весь полк... Ты что же, по своей воле на фронт? — спросил неожиданно кашевар.

— Я крест хочу, — проговорил Лёшка.

— Эна оно чего. Ну, ну, жди ты этого самого креста. Может, тебе, как особо важной персоне, и дадут. Только вот я третий год на войне, да всё ни при крестах, ни при медалях.

— Так вы же, дядя Аким, при кухне.

Пятихатка обиделся.

— Дура, — сказал он и задрал край рубахи.

Лёшка увидел красный рубец, перехвативший солдатский бок. Мальчик поморщился и отвернулся.

— Нет, — проговорил солдат, — смотри. Знай, что на войне всюду пекло. — И опять повторил: — Дура.

Каждый день мальчик запрягал мерина, и они с дядей Акимом ехали к передовой, почти к самым окопам, кормить солдат. Собирались солдаты, начинались шутки.

— Генерал, генерал приехал! Аккурат для войны у тебя самое подходящее орудие, — смеялись солдаты над Лёшкиной кухней.

— Хватит, — обрывал балагуров Пятихатка. — Чего привязались? Получил кашу — и будь здоров. Давай следующий.

Прошло несколько дней, и солдаты привыкли к Лёшке. Смотрят на мальчика — родную деревню, дом вспоминают. Теперь уже мало кто смеялся над Лёшкой, а наоборот, каждый норовил сказать доброе. И лишь один длиннющий солдат, по фамилии Ломов, поглядывал на мальчика косо, чуть что — гнал с передовой и всё говорил о том, что Лёшку надо немедленно отправить с фронта.

— Чего он? — спросил кашевара Лёшка.

— А что? Правду говорит Ломов. Ты бы и впрямь подумал о доме, отвечал Пятихатка.

Однако возвращаться Лёшка не собирался. Вечером мальчик ложился на спину и смотрел в высокое звёздное небо. И представлялся ему тот день, когда он совершит свой первый подвиг и заработает Георгиевский крест. Утром Лёшка вставал и с ещё большим усердием начинал крутиться около кухни.

— Старайся, старайся, — говорил Пятихатка. — Может, и впрямь дадут винтовку, может, и взаправду заработаешь крест.

НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Мысль о кресте не давала Лёшке покоя. «Легче всего, — рассуждал мальчик, — за спасение русского офицера».

И вот Лёшка стал выбирать себе офицера. Делал умно. Высмотрел поручика Иголкина, командира второй роты. Он и на передовой чаще бывает и весом мал — в случае чего тащить легче. Стал Лёшка, словно тень, всюду ходить за Иголкиным.

— Ты что это? — как-то спросил поручик у мальчика.

— Я вас с поля боя хочу вынести.

— Как — вынести? — не понял Иголкин.

— Ну, вас ранят. Я вас и вынесу.

Поручик с удивлением посмотрел на Лёшку. Усмехнулся. А вечером рассказал другим офицерам, и те тоже смеялись. Больше всех хохотал штабс-капитан Дулин.

Рассказы про Лёшкину выдумку дошли и до полковника Громолысова. «Молодец», — похвалил командир полка, вызвал Лёшку и сказал:

— Ну, каково?! Что я вам говорил?

И надо же! Поручик Иголкин действительно угодил под пулю. Лёшка вначале даже не понял. Смотрит — Иголкин упал. Мальчик бросился к офицеру. Подхватил, поволок. Выбежали солдаты, подняли поручика, а он мёртв.

Гибель Иголкина напугала Лёшку. Несколько дней он не решался подходить к передовой. А потом успокоился — и опять за своё: выбрал нового офицера. На сей раз штабс-капитана Дулина. Теперь Дулин уже не смеялся. А, увидев Лёшку, гнал от себя.

— Струхнул, — язвили над штабс-капитаном приятели.

Тогда Дулин пошёл к командиру полка.

— Ну что вы, — успокаивал Громолысов. — История с Иголкиным — это случайность. При чём тут мальчик? Это даже похвально, это пример для других солдат.

Дулин ушёл ни с чем. А через день штабс-капитана убило.

Теперь уже все офицеры стали бояться Лёшки. «Он заколдованный», говорили. И едва мальчик за кем-нибудь привяжется — тут же его отгоняли.

Тогда Лёшка решил ходить за самим командиром полка. Выехал однажды Громолысов на передовую, смотрит — а рядом с ним мальчик. Вспомнил полковник про Иголкина, про Дулина, и стало ему как-то не по себе.

— Пошёл вон! — закричал Громолысов.

Лёшка отступил, однако недалеко, так, чтобы в случае чего успеть подбежать к полковнику. Но командир полка снова увидел мальчика. Плюнул тогда Громолысов и уехал с передовой в штаб от беды подальше.

— Ты это брось, — отчитывал на следующий день мальчика прапорщик Лещ. — Ты у меня смотри.

Так со спасением жизни русского офицера у Лёшки ничего и не получилось.

МЕДАЛЬ

Как-то солдат Зуев дал Лёшке поносить боевую медаль. Надел мальчик, побежал по окопам. Бежит, а сам норовит так, чтобы грудь вперёд смотрите, мол. И все смотрят.

— Ай да георгиевский кавалер, — смеются солдаты. — Ай да герой!

Забежал Лёшка и в Дудницы. Здесь около штаба полка он и столкнулся с прапорщиком Лещом.

Посмотрел Лещ на мальчика строго, спросил:

— Откуда медаль?

Лёшка замер, а Лещ вдруг подобрел, пощупал медаль.

— Хороша, — проговорил. — Хочешь такую?

— Хочу, — произнёс Лёшка.

— Ладно, будет тебе медаль. Только вот что, приходи ко мне и докладывай, о чём говорят солдаты. Да фамилии запоминай. Понял?

И не даёт с той поры прапорщик мальчишке проходу. Увидит и сразу:

— Ну как, узнал?

Лёшка уж так и сяк: мол, ничего такого солдаты не говорят, больше молчат или спят в окопах. Только Лещ, что репей, пристал — не отцепится.

— Ты у меня смотри, — пригрозил прапорщик.

Тогда мальчик обо всём рассказал Пятихатке.

— Ну, это дело нехитрое, — успокоил Лёшку солдат. И научил, как говорить с адъютантом.

— А у Еропкина из первой роты брюхо болит, — докладывал на следующий день Лещу Лёшка.

— Ну, ну. А ещё что?

— А ещё Кривокорытов из деревни письмо читал.

— Так, так, — заинтересовался прапорщик. — Так что же в том письме?

— Так в нём разное пишут, — ответил Лёшка.

— Ну, а что разное?

— У деда Зозули погреб по весне провалился, к бабке Лушке сноха приехала, а у тётки Фёклы козёл сдох.

— Тьфу! — сплюнул Лещ. — Козёл! Ты что, забыл, о чём докладывать? Говори про тех, кто против войны, кто правительство поносит, командиров ругает. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка. А сам опять к Пятихатке.

Через день Лёшку снова позвали к Лещу. Прапорщик сидел в штабной избе на крестьянской лавке, курил папиросу.

— Докладывай.

— Про фельдфебеля Тучкина недоброе говорят, — произнёс Лёшка.

— Так. Что же говорят?

— «Неумён», про него говорят солдаты.

Прапорщик рассмеялся.

— Это правильно. Тучкин действительно глуп. Солдат не проведёшь. Это верно. Ну, а ещё чего говорят?

Мальчик молчал.

— Ну, ну, не бойся.

— Ещё про вас, и тоже недоброе... — произнёс Лёшка.

— Ну, а что про меня? — насторожился Лещ.

— То же самое.

— Что — то же самое?

Говорить вслух Лёшка не отваживался.

— Выходит, «дурак» про меня говорят солдаты? — процедил прапорщик.

— Вот, вот это самое... — подтвердил Лёшка.

Лещ исподлобья посмотрел на мальчика, стараясь понять: по наивности тот завёл такой разговор или умышленно.

— Ну, а кто говорит? — наконец спросил прапорщик.

— Все говорят.

— Кто все? — стал злиться Лещ. — Петров, Иванов, кто все?

— Поручик Иголкин, к примеру, о том не раз говорил.

— Иголкин? — закричал прапорщик. — Его и в живых давно нет.

— И потом ещё штабс-капитан Дулин...

— Ах, негодяй! — Лещ привстал, придвинулся к Лёшке.

— И ещё полковник Громолысов про то же самое говорит, — заключил мальчик.

— Вон! — заревел Лещ. — Вон! — и тяжело бухнулся на скамейку.

На следующий день про Лёшкин разговор с Лещом узнали солдаты.

— Ай да георгиевский кавалер! — смеялись в окопах. — Ай да герой!

— Молодец! — похвалил Пятихатка. — Это по-нашенски, по-солдатски.

ПЯТЬ ПЯТИХАТОК

Чуть что — Лёшка к солдатам: «Расскажите да расскажите про войну, про подвиги». Только война всем до того надоела, что никому и вспоминать ни о чём не хотелось. И вот как-то Ломов сказал Лёшке:

— Иди к своему Пятихатке. Он тебе про войну лучше других расскажет.

Три дня Лёшка приставал к кашевару. Наконец тот сдался.

— Ну ладно, — проговорил, — садись слушай.

Пятихатка помолчал, перебирая в памяти что-то, и наконец начал:

— Было нас, Пятихаток, пять — все братья: Лука, Илья, Григорий, Фёдор и я, Аким, младший. Начали войну все разом, в одной роте. Нам ещё три винтовки на пятерых дали.

— Как — три? — усомнился Лёшка.

— Три, — повторил солдат. — Винтовок не хватало. Одну на двоих давали. Так что у нас вроде как половина даже лишняя ещё получалась.

«Пять Пятихаток, — подивился Лёшка. — И фамилия какая чудная. И пять братьев. И три ружья».

— Пять, — проговорил солдат. — Только пять было, а теперь вот один остался. Поубивало братьев.

— Как так?! — вырвалось у мальчика. — Сразу всех и поубивало?

— Зачем сразу. Не сразу. Первого убило Луку, в 1914 году под городом Галичем. Вот ещё память от Луки осталась. — Кашевар показал на свою винтовку.

Солдат замолчал. И Лёшка сидел молча, замер, не шевелился.

— А Илья, — стал продолжать Пятихатка, — так тот погиб на следующий год. И тоже под тем же городом Галичем. Только тогда наступали австрияки, а мы отходили от Галича. При переправе через Днестр его как раз и убило.

— Ну, а Григория? — спросил Лёшка.

— И Григория тоже убило под Галичем.

— Тогда же?

— Нет. В шестнадцатом году. Про генерала Брусилова слышал? — спросил Пятихатка.

— Нет, — покачал головой Лёшка.

— Так вот, в шестнадцатом году генерал Брусилов прорвал австро-германский фронт, и наша армия снова пошла на Галич. Вот тут-то Григория и убило. А через три месяца, как генерал Брусилов стал отступать, убило и четвёртого брата — Фёдора. Жаль Фёдора, последний был из братьев, — проговорил солдат и опять замолчал.

— Дядя Аким, — чуть переждав, обратился Лёшка. — Ну, а как Галич?

— Галич, он и есть Галич, — ответил солдат. — Он как был у австрияков, так и остался.

Смотрит Лёшка на солдата, думает: «Что же это за война? Четыре брата погибло, а выходит, за что? За пустое место».

— Э-эх, война, — вздохнул Пятихатка. — И за что воюем? И кто её выдумал? Правильно, поди, говорят большевики...

— Ну как, узнал про войну? — спросил на следующий день мальчика Ломов.

— Узнал, — ответил Лёшка и молча побежал к своей кухне. И что удивительно — о крестах и медалях с той поры не заикался да и с расспросами о войне к солдатам больше не приставал. И ещё одно — стал Лёшка усерднее крутиться возле кухни и ещё больше помогать Пятихатке.

«СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА»

Ещё как-то весной Ломов принёс в окопы номер газеты «Солдатская правда». Передавалась она из рук в руки, и зачитали её до дыр. В газете была напечатана статья Ленина.

«Большинство солдат — из крестьян, — писал Ленин. — Всякий крестьянин знает, как угнетали и угнетают народ помещики. А в чём сила помещиков? В земле».

— Правильно, — говорили солдаты. — От неё, от земли, вся сила.

«Надо, чтобы все земли помещиков отошли к народу», — говорилось дальше в статье.

— И это правильно, — соглашались солдаты.

Статья Ленина произвела на всех огромное впечатление. Несколько дней в окопах только и говорили, что о «Солдатской правде».

После этого Ломов ещё несколько раз приносил газету. Была она маленькой, но занозистой. Помещала солдатские письма, письма крестьян из деревни, а главное — рубила правду: и про войну и про Временное правительство писала откровенно. И это солдатам нравилось.

В окопах привыкли к «Солдатской правде» и ждали её с нетерпением.

И вот Ломов снова принёс газету. Солдаты стали читать — и охнули. Редакция сообщила, что газета будет закрыта — нет типографии и денежных средств. «Нам не поможет никто, — писалось в заметке. — Лишь собрав по грошам, мы создадим типографию и прочно поставим газету».

Сообщение взволновало солдат.

— А как же, — заговорили в окопах. — Как не помочь. Ведь не чужая газета. Своя, солдатская. «Их благородия», чай, не помогут.

Стали сдавать кто что мог. Ломов снял Георгиевский крест, и это послужило примером. Зуев отдал медаль. Пенкин — тоже медаль. Начали сдавать и другие. Кое-кто собрал медяки. Ефрейтор Бабушкин вынул из уха серебряную серьгу. Рядовой Кривокорытов отдал нательный крест.

И вот когда Ломов стал пересматривать собранные в фонд газеты пожертвования, то среди солдатских орденов и медалей он вдруг обнаружил офицерский крест.

Крест озадачил солдата. «Кто бы это?» — размышлял Ломов. Ордена он отправил, а сам стал присматриваться и к офицерам и к офицерским крестам. Заметил: прапорщик

Лещ стал ходить без своей награды. «Неужели, недоумевал Ломов. — Как же это понять?»

Исчезновение креста озадачило и самого прапорщика. Где и при каких обстоятельствах пропал крест, Лещ не помнил. Потерять его, кажется, не мог. Украли?! И здесь Лещ вспомнил про Лёшку. Мальчик отнекивался и уверял, что он ни о каком кресте ничего не знает.

— Да я его и в глаза никогда не видел, — говорил Лёшка.

— «Не видел»! — кричал прапорщик. — А вот тут что у меня висело? — и тыкал себя пальцем в грудь.

— Нет, не видел, — повторил мальчик. — Кажись, там ничего не было.

— «Кажись»! — злился Лещ. — А не ты ли на него всё время глаза пялил?!

Но мальчик по-прежнему упирался и твердил лишь одно: «Не видел. Не брал».

— Ну, может быть, пошутил или взял поиграть, — уже примирительно говорил прапорщик.

— Не брал, — упорствовал Лёшка.

— Скотина! — ругнулся Лещ.

Слух об исчезновении офицерского ордена прошёл по полку. Тогда и Ломов подумал о Лёшке. На сей раз мальчик отпираться не стал и сказал правду.

— Так я же его для газеты, — объяснял Лёшка. — Зачем Лещу крест? Обойдётся и так. А тут ведь для дела.

Ломов расхохотался.

Вскоре про крест узнали и другие солдаты.

— Молодец, — смеялись они. — Значит, и «их благородие» нашей газетке помог. Правильно! — от души хвалили солдаты Лёшку.

БРАТАНИЕ

Как началось братание, Лёшка не видел. С самого утра он вместе с Пятихаткой возился у походной кухни, а когда повёз щи и кашу к окопам, то с бугорочка всё и заметил. Солдаты не сидели, как обычно, в траншеях, а повылезали наружу. Они расхаживали по передовой у самых проволочных заграждений, словно никакой войны вовсе и не было. Лёшка хлестнул мерина, и когда подъехал ближе, то заметил, что в одном месте через проволочные ряды перекинута доска, а многие из русских солдат и вовсе находятся на стороне немецких позиций. Немецкие солдаты тоже повылезали из окопов и смешались в общей толпе с русскими.

— Что это они? — обратился Лёшка к Пятихатке.

— Никак, братание, — ответил кашевар. Он так же, как и Лёшка, вытягивал шею и с удивлением смотрел на происходящее.

Когда Лёшка перебежал по доскам через проволочные заграждения, он оказался в самой гуще русских, германских и австрийских солдат.

— О майн гот, - закричал какой-то рыжий немчик, — киндер, киндер! — и стал показывать на Лёшку пальцем.

Понеслись голоса:

— Кляйнер зольдат!

— Руссишер зольдат!

Мальчика сразу обступили.

— Это Лёшка, наш поварёнок, — проговорил Кривокорытов.

Но немцы и австрийцы плохо понимали русскую речь и, вылупив глаза, с любопытством смотрели на удивительного солдата.

Братание, видимо, началось давно. Солдаты собирались в группки, кое-кто даже ходил в обнимку, и все что-то оживлённо объясняли друг другу.

— Вы своего Вильгельма, как мы Николашку, — говорил Зуев, — к чёртовой бабушке!

Понял ли кто из немцев или просто понравились последние слова, но несколько человек стали выкрикивать:

— К шортов бабушка! К шортов бабушка!

В других местах солдаты мирно дымили сигарками, с наслаждением потягивая предложенный немцами табачок. В стороне с каким-то усачом беседовал Ломов.

Потом рыжий немчик, который тыкал в Лёшку пальцем, достал губную гармошку и стал что-то играть. Звуки были жалостливые, грустные. Лёшка никогда такой штуки не видывал и с интересом смотрел на солдата. Это заметили немцы. И когда рыжий кончил играть, что-то ему зашептали. Рыжий протянул гармонику Лёшке.

— Бери, играй, — сказал Зуев.

Немцы одобрительно загудели.

Лёшка взял гармонику, покрутил в руках, поднёс ко рту, дунул. Та пискнула. Солдаты засмеялись. Мальчик дунул опять: раз, второй получилось складнее. Гармошка Лёшке понравилась, и возвращал он её неохотно. И это тоже заметили немцы. Они о чём-то пошептались, потом рыжий снова протянул её мальчику — на, мол, бери.

— Никак, дарят? — проговорил кто-то.

Немцы поняли и утвердительно замахали головами. И Лёшка снова не знал, что делать. Подошёл Ломов, сказал:

— Бери. Ну, а чем ты отблагодаришь?

Лёшка покраснел, растерялся.

— Тащи кашу, — проговорил солдат.

Каша немцам пришлась по вкусу. Ели они с аппетитом, дочиста облизывали ложки и всё приговаривали:

— Гут, о гут! Зер гут!

— Они вовсе не страшные, — говорил вечером Лёшка про немцев Пятихатке.

— А чего им быть страшными, — отвечал кашевар. — Люди как есть люди. Немцы ведь тоже мира хотят. Заждались, сынок, мира.

Во время братания офицеры солдат не тронули. Однако вечером команды были построены и ротные командиры объявили, что за повторный переход линии фронта виновных отдадут под суд, а рота, которая начнёт первой, будет расформирована. Угроза подействовала. На следующий день братания уже не было. Не выходили из своих окопов и немцы. Видимо, и на той стороне не обошлось без строгостей.

И лишь Лёшка ещё несколько раз вечерами пролезал под проволочными заграждениями и пробирался в расположение немцев. Он разыскал рыжего немчика, и тот за три дня обучил его всем правилам игры на губной гармонике. Однако через несколько дней, когда мальчик полез снова, из немецких окопов ударила пуля. Лёшка замер, переждал, двинулся дальше, но снова раздался выстрел. Мальчик вернулся назад и больше не лазил.

А вскоре произошли события, которые вдруг круто повернули всю фронтовую жизнь.

НАСТУПЛЕНИЕ

Русская армия, что стояла севернее громолысовского полка, перешла в наступление. Газеты кричали о победе, о славе русского оружия, о доблестных защитниках свободы. Полкам, которые первыми прорвали германский фронт, вручались специальные знамёна, присваивались почётные наименования. Фронтовые успехи всколыхнули и Лёшкин полк. Кем-то был пущен слух, что мир теперь совсем близок, что окончательная победа рядом и нужно лишь самое последнее, самое незначительное усилие. Многие солдаты поверили. В полку начались бурные споры. Но солдатам доспорить не дали. Пришёл приказ войскам Громолысова также начать наступление и идти на города Калуш и Галич.

«Снова Галич», — подумал Лёшка.

Атаку начали два броневика. В темноте перед рассветом они придвинулись к проволочным заграждениям и открыли ураганный пулемётный огонь. Потом в атаку поднялись первые группы солдат. С криками «Ура!», с винтовками наперевес они устремились к заграждениям, стали набрасывать на проволоку шинели, набитые соломой матрацы, подрубать топорами столбы. Пробив брешь, солдаты обрушились на вражеские позиции.

Оставив походную кухню, Лёшка воспользовался темнотой и втёрся в ряды наступающих. Однако тут же попался на глаза Ломову.

— Назад! — закричал Ломов. — Назад!

Мальчик не уходил. Тогда солдат сгрёб Лёшку и, словно котёнка, сбросил в окоп. Мальчик больно ударился о крепёжное бревно и растянулся пластом в траншее. Потом он поднялся, высунул голову и стал смотреть.

Бой уже шёл в немецких окопах. Пулемёты заглохли. Лёшка лишь слышал ружейную стрельбу и страшные крики. Потом немцы начали отступать. Они отходили лугом за холм. Следом бежали русские.

Когда бой переместился за поворот Рыськи, мальчик поднялся и полез в немецкие траншеи. Глянул Лёшка и замер.

Немцы, австрийцы, русские перемешались как тогда, при братании. Валялись лицами вниз и вверх животами. Лежали скорчившись, словно сведённые в судороге. Затихли, разбросив руки, как будто спали. Валялись один на одном, как снопы, слетевшие с воза.

Лёшка вскрикнул, полез из окопа и вдруг увидел знакомого немчика. Тот лежал на самом краю окопа. Каска слетела с головы солдата, и ветерок перебирал его золотистые волосы.

Прибежав к Пятихатке, Лёшка долго не мог отдышаться.

— Ты где пропадал? — набросился солдат на мальчишку.

— Там, — показал Лёшка рукой в сторону немецких окопов. — Он там, говорил, заикаясь, мальчик.

— Кто там? — не понял солдат.

— Он, — повторил Лёшка. — Тот, который гармонику мне подарил, рыжий.

Пятихатка положил Лёшке на плечо руку, притянул к себе.

— Сынок, поел бы. Хочешь кашу? Я тебе кашу дам, вкусную, — пытался успокоить он Лёшку и своей шершавой рукой провёл по влажным глазам мальчика.

А Лёшка стоял и чувствовал: словно озноб пробежал по его телу и ноги вдруг стали какие-то дубовые и, когда он садился, не хотели сгибаться.

А из-за поворота Рыськи по-прежнему неслись голоса, и гулкой россыпью отдавались выстрелы. Там продолжался бой. Русская армия наступала на Галич.

ГАЛИЧ

Пять дней полк Громолысова с боями продвигался на запад. Места начались всхолмлённые, с крутыми подъёмами и резкими спусками, с бесчисленными ручьями и речками, с дорогами извилистыми и на редкость пыльными. Шли с холма на холм, словно взбирались на гребни гигантских волн, и Лёшке казалось, что стрельбе и походу конца не будет.

В первых же боях полк потерял треть своего состава. Не стало Зуева, не стало Кривокорытова, при переправе через реку Золотую Липу убило ефрейтора Бабушкина, у села Толстобабы ранило Пенкина.

На пятый день, поднявшись с походной кухней на очередной холм, Лёшка наконец увидел широкую долину, блестящий изгиб реки и на правом высоком её берегу город.

— Галич! — произнёс Пятихатка.

Немцы встретили русских ураганным огнём. Наступление приостановилось. Дождавшись ночи, солдаты спустились в низину и окопались. А на рассвете Пятихатка запряг мерина и поехал кормить солдат. Лёшка тоже хотел было ехать. Однако кашевар мальчика не взял, наказал никуда не бегать, лежать за бугром и ждать его возвращения.

Пятихатка уехал, а вскоре Лёшка услышал одиночный пушечный выстрел. Мальчик влетел на бугор и увидел внизу холма, верстах в двух от Днестра, перевёрнутую вверх колёсами походную кухню, а чуть в стороне отброшенного взрывной волной мерина.

Ноги не успевали нести Лёшкино тело. Несколько раз он падал, подымался и бежал снова. Пятихатка валялся около разбитой кухни, уткнувшись головой в жидкое месиво разлившейся каши. «А-а-а-а», — тихо и протяжно стонал солдат.

— Дядя Аким! — закричал Лёшка. — Дядя Аким!

Пятихатка посмотрел на мальчика мутными, неподвижными глазами.

— Сынок, ты? А, сынок, — проговорил и застонал снова. — Пить, пить, расслышал мальчик.

Когда Лёшка напоил Пятихатку, тот чуть отошёл.

— Сынок, что же это? А? Никак, смерть. До братьев, значит, — и вдруг замолчал.

— Дядя Аким! Дядя Аким!..

Пятихатка лежал, запрокинув голову.

Снова бабахнул снаряд. Один, второй, третий. Слева от Лёшки, а потом справа взлетела земля. Едким дымом заволокло поле.

— Дядя Аким, — тормозил Лёшка солдата. — Дядя Аким!

Пятихатка не отвечал. В небо смотрели знакомые солдатские глаза, смотрели, но уже ничего не видели.

«АГИТАТОР»

Вечером в расположение громолысовского полка прибыл сам военный министр, а вместе с ним командующий фронтом и ещё какие-то генералы.

Лёшке военный министр чем-то напоминал прапорщика Леща — такой же худощавый, с рачьими глазами и с таким же ёжиком на голове. Министр проходил по только что занятым немецким окопам, произносил краткие речи, выкрикивал: «Благодарю, братцы!» и «Слава героям!», целовал в губы двух-трёх солдат, стоявших поблизости, и проходил дальше.

Потом возле штаба полка была сооружена трибуна, солдаты были собраны на митинг и военный министр произнёс речь.

— Офицеры и солдаты! — выкрикивал он. — Знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг. Пусть сердце ваше не ведаёт сомнений. Нет колебаний! Нет отступлений! Только вперёд. Ура!

Солдаты ответили нестройно. Многие так и вовсе молчали.

— Ура! — повторил министр.

— Ура! — отозвались солдаты ещё неохотнее.

Спускаясь с трибуны, министр заметил Лёшку. Он не без любопытства взглянул на мальчика. А тот стоял, вытянув руки по швам, и пугливо смотрел на приехавшего.

Громолысов вдруг расплылся в улыбке, наклонился к министру и что-то зашептал на ухо.

— Вот как, — произнёс тот. Он подозвал Лёшку. — Ты что же, готов умереть за свободу России?

Лёшка оробел ещё больше и не знал, что ответить.

— Готов, готов, — сказал за него Громолысов.

Тогда министр схватил мальчика за руку и снова полез на трибуну.

— Офицеры и солдаты! — опять закричал он. — Пусть же жизнь этого юного героя послужит для вас примером. Сегодня все, даже дети, говорят: «Вперёд! Только вперёд!» Ура юному герою! Да здравствует наша победа!

— Кричи «ура», — проговорил Громолысов. — Ура Временному правительству и нашей победе!

Мальчик стоял в нерешительности.

— Кричи, — подтолкнул его Громолысов.

Лёшка молчал.

— Ну!

В солдатских рядах послышался хохоток.

Тогда командир полка оттолкнул мальчика и сам обратился к солдатам.

— Братья! — закричал Громолысов.

И вдруг... Вначале тихо из задних рядов, а потом всё яснее и громче и сразу из многих мест понеслись голоса:

— Хватит!

— Навоевались!

— Долой войну!

— Мира!

— Братья!.. — кричал Громолысов.

Солдаты задвигались. Зашумели ещё больше. Передние ряды придвинулись к самой трибуне. Нажали. Трибуна скрипнула. Покачнулась.

— Долой Временное правительство! — кричали солдаты. — Мира! Мира! Мира!

Министр побледнел, поспешно бросился к лестнице.

— Что же вы, полковник! Как же это понять?! — отчитывал потом министр Громолысова. — И что это за глупая выдумка с мальчиком?!

Командир полка стоял, краснел и только непонимающе разводил руками.

На следующий день полк Громолысова был срочно расформирован — солдаты отказались вернуться в окопы. А ещё через день под конвоем неизвестных ему солдат с передовой был отправлен и Лёшка.

— Мерзавец! — на прощанье проговорил Громолысов.

— Агитатор, — хихикнул Лещ.

Глава пятая

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОД

ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЕ ЛУКИ И СТАНЦИЮ ДНО

Поезд тащился медленно. Долго стоял на станциях и полустанках. Паровоз надрывно пыхтел на подъёмах. Колёса нудно стучали на стыках. Ехали и спали в два этажа на нарах, слева и справа от центра вагона. Вагон был товарный. Ехало сорок человек. Лёшка был сорок первый.

Добирались до Петрограда неделю. Поезд шёл через Великие. Луки и станцию Дно. Лёшка пристроился на верхней полке и всю дорогу смотрел или в открытую дверь, или в маленькое оконце вагона.

За окном бежали поля и леса; то вынырнет из-под самых колёс река, то змейкой метнётся просёлок, то, словно игрушечные, пронесутся крестьянские избы. И снова поля и снова леса — необозримая земля русская.

И такой же нескончаемой чередой, как эти поля и леса, как эти избы и эти дороги, разные думы одна за одной неслись в голове у мальчика. Почему-то вспомнились Охта и бабка Родионовна; потом аптека и Золотушкин, стрельба в рабочих на Знаменской площади, парень без шапки, царский портрет, взрыв на Аптечной; потом Голодай-село, каратели и смерть деда Сашки; наконец, Наташа, фронт, Ломов и Пятихатка.

Много. Ой, как много прошло за это время перед Лёшкой людей и событий! Тревожный, насторожённый, чего-то ожидающий год. И что впереди?

Беспокойно на душе у мальчишки. В кармане у Лёшки письмо. Везёт его мальчик токарю Путиловского завода Андрею Кузьмичу Зотову. Письмо было коротким. Писалось оно впопыхах на клочке серой бумаги перед самой отправкой мальчика с фронта. Лёшка наизусть помнит его содержание:

«Дорогой Андрей!

Направляю к тебе мальчика — Лёшу Митина. Парень он стоящий. Позаботься о нём.

Ломов»

«Кто же это такой Андрей Кузьмич Зотов?» — раздумывает Лёшка. И как-то он встретит? И что-то скажет, прочитав привезённое Лёшкой письмо?

В Петроград поезд прибыл к вечеру. Вошёл в тупики Николаевского вокзала. Выдавил клубы белого пара. Остановился.

Вот и он — забытый, затерявшийся где-то далеко в Лёшкиной памяти Питер!

Идёт мальчик по городу: знакомая Знаменская площадь, широкий, шумный, как улей, Невский, перекрёсток Литейного, перекрёсток Садовой. Идёт мальчик, дышит не надышится свежим петроградским воздухом.

За Нарвскую заставу к Путиловскому заводу Лёшка добрался уже в темноте. Разыскал Новоовсянниковскую улицу и указанный Ломовым номер дома. Поднялся на второй этаж. Прошёл по длинному тёмному коридору. Ещё раз глянул на адрес. Остановился перед дверью, обитой мешковиной. Переступил с ноги на ногу. Постучал.

— Войдите.

Мальчик нерешительно перешагнул порог крохотной, как чулан, комнаты.

Хозяин, сидевший спиной к двери, повернул голову. На Лёшку глянули большие глаза. Худощавое лицо, заострённый нос, широкая дуга сросшихся у переносицы бровей. Короткие, непокорно торчащие во все стороны волосы... Он! Тот самый, стрелявший в жандарма на Знаменской площади, хозяин «Смит и Вессона»!

«НЕ ПРОПАДЁТ!»

Прочитав привезённое Лёшкой письмо, Зотов спрятал его в карман и стал расспрашивать про фронт, про Ломова, про солдат: и о чём говорят, и что думают, и как отнеслись к наступлению.

Лёшка рассказал про братание, о приезде военного министра, о митинге.

— Говоришь, расформировали, — расхохотался Зотов. — Не хотят, выходит, войны солдаты.

Потом стал расспрашивать у Лёшки о нём самом. И мальчик не знал, с чего начинать. Начал с дяди Ипата и приезда на побывку Степана Зыкова.

— Значит, бежал на войну, — опять засмеялся Зотов. А когда Лёшка рассказал о днях, проведённых на фронте, сказал: — Выходит, не сладко в солдатах.

Лёшка разговорился и сам не заметил того, как рассказал дяде Андрею про всю свою жизнь.

Зотов только слушал и поражался.

— Да ну?! — воскликнул, узнав про историю с гранатой и пулемётом.

— Значит, не подошёл по классовым соображениям, — заключил он, выслушав рассказ про Наташу.

— Запороли до смерти. Ну, подожди! — грозно сказал, узнав про смерть деда Сашки.

Но больше всего Зотов поразился тогда, когда Лёшка рассказал ему про пистолет и встречу на Знаменской площади.

— Помню, помню. Так ты, значит, и есть тот самый... Вот не узнал. Совсем не узнал. Вырос ты, что ли? Я тебя ещё по уху, кажется, съездил.

— По шее, — поправил Лёшка. — А здорово вы тогда жандарма и царский портрет...

— Да, не вышло у нас тогда, — задумчиво произнёс Зотов. — Не получилось. Да ничего. За народом не пропадёт. Не пропадёт? — обратился он к Лёшке.

— Не пропадёт, — проговорил мальчик, хотя, что имел в виду дядя Андрей, не очень-то понял.

«ТУТ, БРАТ, РАБОЧИЙ КЛАСС!»

И вот Лёшка стал жить у дяди Андрея на Новоовсянниковской. Отвёл ему Зотов угол в каморке, купил кружку и ложку, пообещал устроить учеником к слесарю на Путиловский завод.

Вспомнил Лёшка про тех парней, которые приносили раненого Зотова тогда в аптеку.

— Наши, путиловские, — сказал дядя Андрей.

Вспомнил и девушку.

— Зоя, учительница. Сейчас она в Орловской губернии. Скоро вернётся.

Прошло несколько дней, и дядя Андрей сдержал своё слово. Мальчик был принят учеником в механическую мастерскую.

Лёшкин учитель старик Авлов, взглянув на новичка сквозь узкие очки, сидевшие бабочкой на самом кончике носа, спросил:

— Как звать?

— Лёшка.

— Фамилия?

— Митин.

— Так, хорошо, — произнёс Авлов и показал Лёшке слесарный станок, тиски и разные инструменты. — Вот тут пока стой рядом, наблюдай за работой. На завод приходи вовремя. Да смотри у меня, не озоруй и не балуй.

В обеденный перерыв к Лёшке подошёл мальчик.

— Пашка Мельник, — протянул он лоснящуюся от машинного масла руку.

— Лёшка Митин.

— К нам?

— В механическую.

— К Авлову?

— К Авлову.

— Это хорошо, — проговорил Пашка. — Этот научит.

Пашка повёл Лёшку по заводу, показал ему заводоуправление, объяснил, где какой цех, зачем через заводской двор проложены железнодорожные пути, и многое другое.

Потом Пашка рассказал о заводских новостях: и о том, что на Путиловском есть заводской комитет из большевиков и рабочих, которого даже сам директор генерал Дроздов боится, что существует рабочий контроль — это чтобы следить за начальством — и что скоро на заводе и вообще в Питере будет такое, что и во сне не приснится.

— Это тебе не деревня! — заключил Пашка. — Тут, брат, рабочий класс!

ОПЯТЬ НА АПТЕЧНОЙ, СНОВА У ДАРЬИ

В первый же воскресный день Лёшка решил сходить на Аптечную улицу, узнать про Золотушкина, навестить Дарью.

Аптека была открыта. Заглянул мальчик в окно — за той же конторкой стоит Золотушкин. В тех же очках, в пиджаке том же и та же палка с загнутой ручкой рядом с конторкой. Только ещё больше поседел и согнулся аптекарь.

Хотел было Лёшка зайти к Золотушкину, но потом передумал. «Не стоит. Значит, жив аптекарь, выходит, выпустили», — и успокоился.

Направился к Дарье.

— Сиротинушка, — увидев Лёшку, всплеснула руками генеральская прислуга. — Жив. Вернулся. — Она стала обнимать мальчика. — Значит, вернулся. Ты что же, опять у аптекаря?

— Нет, — проговорил Лёшка. — Я на Путиловском.

— На Путиловском?! Кем же ты?

— Слесарем, — приврал Лёшка.

— Ох, ох, — завздыхала Дарья. — Такой-то малый — и слесарем.

— Так я же не малый. Я на войне был, — ответил Лёшка.

— На войне?!

Дарья принялась допытывать Лёшку обо всём. Слушала, вздыхала, охала. Потом схватила мальчика за руку и, как в былые времена, потащила к себе на кухню.

— Да я не хочу. Я же сыт, — упирался Лёшка.

— Пошли, пошли, — не отставала Дарья. — Нынче у нас пирог с мясом. Нынче к нам генерал вернулся.

— Генерал?

— Ну да. Батюшка наш, Дмитрий Петрович. Радость-то в доме. Радость у нас какая!

— Какая же это радость? — произнёс Лёшка. — Генералы, они буржуи. Война из-за них не кончается. Да я вашего генерала ещё в феврале арестовать хотел. Скоро вашему генералу того, — провёл мальчик рукой по шее. — Скоро в Питере будет такое, — повторил Лёшка Пашкины слова, — что вам, тётка Дарья, и во сне не приснится.

Слушала Дарья и только хваталась за голову. «Ох, ох», — вздыхала прислуга и пялила на гостя удивлённые, расширенные от испуга глаза.

Лёшка ушёл, а Дарья долго ещё крестилась.

СОКРАЩЕНИЕ

До тридцати тысяч человек работало на Путиловском заводе.

В одной только шрапнельной мастерской — более четырёх тысяч.

А были ещё мастерские: механическая, прокатная, прессовая, пушечная... Сорок девять разных мастерских и цехов насчитывал огромный завод. «Железным городом» называли его в Петрограде.

Путиловские рабочие — дружный народ. Ещё с весны они организовали свой заводской комитет и повели борьбу с заводским начальством.

Временное правительство боялось путиловцев. Не хотело оно, чтобы в одном месте работало столько людей.

И вот заводоуправление решило почти наполовину сократить число путиловских рабочих. Под сокращение попал и Лёшка.

Вот те раз: только устроился, а тут сокращение!

— Ничего, — успокаивал мальчика дядя Андрей. — Это мы ещё посмотрим.

А чего смотреть, когда Лёшке об этом мастер прямо сказал?

Весть о сокращении расползлась по баракам, по домам вокруг Нарвской заставы, по соседним сёлам, в которых жило много путиловцев.

— Как так? — возмущались рабочие. — Не имеют права!

— Эх, господа хорошие, видать, занозой у вас сидит завод наш.

— Пусть увольняют приписанных.

С приписанными была целая история. Приписанными называли тех, кто хотя и числился в составе путиловских рабочих, но не работал.

Было таких несколько тысяч: всякие купеческие сынки и сынки богатых чиновников — все те, кто скрывался от фронта. Путиловских рабочих не призывали в армию.

— Вот пусть сынков и отчисляют, — шумели рабочие.

Собрался заводской комитет.

— Сидоров? — спрашивал Васильев, председатель заводского комитета.

— Работает в механическом, — отвечали члены комитета.

— Оставить.

— Прохоров?

— В шрапнельной.

— Оставить.

— Золоторучкин?

Стали проверять, где работает Золоторучкин. Оказывается, нигде.

— На увольнение.

Проверив списки, члены заводского комитета явились к заводскому начальству.

— Согласны на сокращение, — проговорил Васильев. — Есть кого сокращать.

— Вот и хорошо, — ответил генерал Дроздов, директор завода. — С углём плохо. Нет нужды держать столько людей.

Положил Васильев перед директором списки. Поглядел Дроздов, а там всё — либо Золоторучкин, либо Богатеев, либо Толстосумов — сплошные купеческие и чиновничьи сынки. Поморщил Дроздов нос, понял, что рабочих не проведёшь. И отдал приказ отменить сокращение.

Обо всём этом Лёшка не знал. Пришёл дядя Андрей с ночной смены, смотрит — Лёшка спит и никуда не собирается.

— Ты что же, — спрашивает Зотов. — А завод?

— Так мастер сказал больше не приходите.

Дядя Андрей рассмеялся.

— Иди, иди, — проговорил. — За тебя уже всё решили. Рабочий класс за тебя своё слово сказал.

СЫН ВЕЛИКАНА

К осени из Орловской губернии вернулась Зоя. Девушка часто стала бывать на Новоовсянниковской. Зоя признала Лёшку сразу. Мальчику она понравилась. Да и, видать, Зое Лёшка понравился.

Только вот одно нехорошо в Зое. С первых же дней она принялась говорить о том, что Лёшке надо учиться. Пусть не гоняет вечерами по улицам, а садится за грамматику и арифметику. Лёшка уж так и этак: мол, зачем мне арифметика и грамматика?!

— Сиди учи, — заставляла Зоя.

— Так я до наук неспособный, — пытался отвертеться мальчишка.

— Раз неспособный, — сказала Зоя, — значит, больше придётся сидеть за книгами.

Настырной оказалась Зоя: заставила всё же учиться.

И дядя Андрей стал в последнее время о многом беседовать с Лёшкой. Только не как Зоя, не о грамматике и арифметике, а по-мужски, о серьёзном. Рассказал о войне, о Временном правительстве, о партии большевиков.

Слушает Лёшка, а сам и без дяди Андрея многое уже понимает. Кто друг и кто враг, различит сразу. За большевиков Лёшка теперь горой.

Кто за «долой войну»? Большевики.

Кто за «землю крестьянам»? Большевики.

Кто за то, чтобы буржуйам по шее? Тоже они, эти самые большевики.

А как-то Зотов заговорил о том времени, когда не будет ни капиталистов, ни помещиков и власть в стране будет принадлежать трудовому народу.

— Построим новые города, — говорил Зотов, — заводы, шахты, нетронутые земли распашем. Такую, брат, жизнь на земле наладим... В школу тебя отдадим, потом в институт, и станешь ты, — дядя Андрей задумался, станешь ты, Алексей, ну, скажем, директором Путиловского завода.

— Директором, — усмехнулся Лёшка: скажет же дядя Андрей.

— А что, станешь, — проговорил Зотов. — Или нет, лучше поедешь ты в своё Голодай-село и организуешь там, брат, такую жизнь, чтобы от этого самого слова «Голодай» и в помине ничего не осталось. Понял?

Много разного наговорил в этот день Зотов. И Лёшке наобещал многое: захочешь — становись машинистом, не нравятся паровозы — будь морским капитаном, не устраивает море — иди в шахтёры, учись на доктора или учителя.

— А почему так? — спрашивает Зотов. — Да потому, что трудовой народ станет хозяином всего на свете. Народ — великан, ему, брат, любые дела под силу. Понял, что такое народ?

— Великан, — проговорил Лёшка.

— Верно, — засмеялся дядя Андрей. — Великан. Ну, а ты кто?

— Я? — Лёшка задумался.

— Сын, — подсказывает Зотов.

— Сын Герасима Митина, — выпалил Лёшка.

— Верно, — ответил дядя Андрей. — И сын Герасима Митина и... Ну, чей ещё сын?

— Сын великана, — неуверенно произнёс мальчик.

— Правильно, — проговорил Зотов. — Сын великана. Ну, а теперь, закончил он разговор с мальчиком, — ступай садись за грамматику.

«Вот те и раз, — оторопел Лёшка, — сын великана — и вдруг за грамматику!»

УЧЕНИЯ

Все эти месяцы завод жил какой-то особенной жизнью. Дядя Андрей почти не бывал дома. На завод приезжали представители партии большевиков. Васильев и другие заводские большевики сами уезжали несколько раз на какие-то совещания.

Генерал Дроздов и заводоуправление стали терять последнюю власть над рабочими. У многих рабочих появились винтовки...

К осени 1917 года на Путиловском заводе было организовано двенадцать красногвардейских отрядов. Назывались они «сотнями». А в действительности в каждой сотне по сто пятьдесят, а то и по двести рабочих. Сотни делились на десятки, а в каждом десятке тоже не десять, а человек двадцать.

Ежедневно после окончания смены рабочие отправлялись на учения. Винтовок не хватало. Строились так: у кого винтовка — в первые ряды. Остальные вооружались палками и становились в конец.

Учения происходили на площадях, примыкающих к заводу, на взморье, в Екатерингофском саду, а иногда и прямо на территории завода около директорского пруда. Учились стрельбе, метанию гранат и штыковому бою.

Дядя Андрей тоже ходил учиться. Он был командиром десятка.

Однажды за Зотовым увязался и Лёшка. Взял палку и пристроился к сотне.

— Ты куда? — обозлился дядя Андрей и отогнал мальчика.

Лёшка обиделся. Потом отошёл и вместе с заводскими мальчишками стал бегать и смотреть, как обучаются взрослые.

— Ать, два, ать, два, — командует командир.

Идут рабочие стройными рядами. Головы держат высоко, грудь вперёд, отбивают шаг, словно заправские солдаты.

Интересно ребятам: один гильзу после стрельбы разыщет, другой притащит осколок гранаты, третий якобы невзначай винтовку потрогает. Интересно. И всё-таки ребятам этого мало. Тогда Лёшка предложил Пашке Мельнику организовать собственный отряд и тоже начать учения. Желающих набралось много. Построились, направились к морю.

Но тут начались сложности. Командовать хотелось и Лёшке и Пашке.

— Ты не умеешь, — говорил Лёшка.

— Это почему же не умею? Умею. И голос у меня громче.

Голос действительно у Пашки был громкий.

— Ты в солдатах не был, — заявил Лёшка.

— Подумаешь, солдат, — огрызнулся Пашка. — При кухне тёрся, так уже и солдат.

Тогда, чтобы никому не было обидно, решили командовать вместе. Однако и тут заспорили.

— Мне командовать первому, — говорит Лёшка.

— Нет, мне, — заявляет Пашка.

— Я придумал. Мне первому, — упирается Лёшка.

— А у меня голос сильнее, — опять о своём Пашка.

Наконец решили так: разбить ребят на две группы и каждому учения вести в отдельности.

Разбились. Только у Пашки получалось куда лучше, чем у Лёшки. Крикнет — голос ещё долго гудит над морем. И бегал Пашка быстрее, и по-пластунски ползал ловчее, и на палках сражался лучше. И ребята потихоньку стали из Лёшкиной группы перебегать к Пашке.

И вот тогда Лёшка решил удивить и Пашку и всех ребят — раздобыть настоящее ружьё. А так как дядя Андрей далеко винтовку не прятал — лежала она под койкой, — то Лёшка решил, что это совсем нетрудно. Выбрал день, когда Зотов работал во вторую смену, и взял винтовку.

Увидев у Лёшки винтовку, ребята стали к нему возвращаться. А за ними потянулись и другие.

Кричит Пашка, подаёт разные команды, до хрипоты надирает глотку, однако ребят этим теперь не удержишь. Все норовят к Лёшке.

Тогда и Пашка решил раздобыть винтовку. Многие рабочие приносили оружие прямо с собой на завод. Рабочие работают, а винтовки стоят у станков рядом. Так было и в механической мастерской. «Возьму на денёк, решил мальчик. — Лучше всего у старика Авлова. Он и подслеповат и курить часто отходит — не сразу заметит».

Только старик оказался куда хитрее. Следил за ружьём зорко.

— Ах, жульман! — закричал Авлов. — Куда тебе винтовка?!

Пришлось Пашке во всём сознаться.

Рабочие вышли к взморью и не верят своим глазам. Словно на параде стоят ребята. Перед строем крутится Лёшка. В руках винтовка.

— На пле-чо! — командует Лёшка.

Ребята вскидывают палки-ружья.

— К но-ге!

И снова ребята выполняют.

— Ложись! По буржуям огонь!

Тра-та-тах, тра-та-тах! — несётся над морем.

Подивились рабочие. Про ребячью затею узнали и в заводском комитете. Там подумали, что это, конечно, плохо, если ребята таскают винтовки, да ведь не озорства ради. Кровь заиграла своя, пролетарская. За винтовку Лёшку отругать отругали, однако за выдумку похвалили. Пора и для ребят создавать свою организацию, поняли на заводе.

ХИТРОСТЬ

Как-то Лёшка вернулся домой, приоткрыл дверь — в комнате офицер: на плечах золотые погоны, сбоку кривая сабля, на носу пенсне с тонкой цепочкой, закинутой за ухо.

Мальчик отпрянул от двери, хотел бежать, но вдруг в офицере признал дядю Андрея. Зотов стоял у окна и подавал удивительные команды:

— Как стоишь!

— Молчать!

— Кру-гом!

Лёшка опешил и вовсе. А дело было вот в чём.

Кто-то из рабочих выведал, что недалеко от Путиловского завода у какой-то эсеровской организации хранится двести винтовок. Лежат они на складе без всякого дела. Получили их эсеры из Петропавловской крепости.

И вот Андрею Зотову пришла озорная мысль — забрать винтовки для путиловских красногвардейцев. Но эсеры просто так винтовки не отдадут. И Зотов пошёл на хитрость. Рассказал товарищам. Выдумка всем понравилась. Раздобыли рабочие офицерский мундир, пенсне, саблю. Бывшие фронтовики надели солдатское обмундирование. Получился настоящий отряд Временного правительства во главе с командиром.

После этого дядя Андрей позвонил по телефону эсерам и представился комендантом Петропавловской крепости. «Комендант» сообщил, что явится проверять состояние винтовок.

Получив в заводском комитете грузовик, рабочие двинулись.

Эсеры встретили «коменданта» почтительно. Суетились, пытались услужить. Только один тощий эсерик всё посматривал на дядю Андрея как-то косо и недоверчиво.

Зотов заметил.

— Как стоишь! — крикнул он на эсерика.

Тот вытянулся. «Ну, настоящий офицер», — подумали остальные и стали суетиться ещё больше.

«Комендант» расхаживал по складу, громыхал саблей, важно снимал и снова надевал пенсне. Осмотрел потолок, стены, взглянул на висящий у дверей градусник, покачал головой.

Проверив винтовки, Зотов заявил, что содержатся они безобразно, не по уставу, и что он обязан забрать их с собой в крепость.

Эсеры заволновались:

— Не имеете права, — полез было тощий эсерик.

— Молчать! — прикрикнул Зотов.

Эсеры притихли. Все выжидающе смотрели на грозного «коменданта».

— Впрочем, винтовки остаются вашими, — успокоил их дядя Андрей. — По первому требованию будут возвращены. Но оставить здесь не могу. Не просите. Не могу. Не по уставу.

Эсеры успокоились. А тощий эсерик осмелел, подошёл к «коменданту» и попросил расписку.

— Ладно, — сказал дядя Андрей, — несите бумагу.

Пока Зотов писал расписку, а потом долго и старательно складывал её вчетверо, рабочие погрузили винтовки и сами залезли в машину. Убедившись, что всё в порядке, дядя Андрей передал расписку эсерам, сел в кабину, и грузовик тронулся.

Развернули эсеры расписку, прочли: «Благодарим за винтовки. С приветом. Путиловцы».

— Стой! — закричал тощий эсерик и бросился за автомобилем.

— Стойте! — закричали другие.

Но автомобиль только прибавил скорость. Высунулся из кабины Зотов и приветливо помахал эсерам.

В этот вечер дядя Андрей вернулся домой на редкость радостный и возбуждённый. Он опять заговорил с Лёшкой о том времени, когда не будет помещиков и капиталистов.

— Теперь уже скоро, — говорил Зотов. — Тут, брат, такие дела... Ленин приехал в Питер.

МАРКСИСТ

Дружба с солдатами Павловского полка началась у путиловцев давно, ещё с Февральской революции. За эти месяцы дружба только окрепла.

И вот путиловские рабочие решили подарить павловцам боевое знамя. Пригласили художника. Тот разрисовал полотнище, а работницы золотом его вышили. На знамени был изображён воин в броне и рабочий с молотом, пожимающие друг другу руки. Вокруг рисунка написано: «Героям гвардейцам-павловцам от рабочих Путиловского завода» и лозунги: «Да здравствует социализм!» и «Да здравствует Интернационал!».

Увидев два непонятных слова, Лёшка вечером пристал к дяде Андрею: что такое социализм и что такое интернационал.

— О Карле Марксе слышал? — спросил Зотов.

Лёшка отрицательно покачал головой. Тогда дядя Андрей достал какую-то книгу.

— «Коммунистический манифест», — прочитал мальчик на переплёте.

— А от чего он отрекается? — спросил Лёшка.

— Кто отрекается? — не понял дядя Андрей.

— Ну, этот Карл Маркс. Манифест же про отречение пишут. «Мы, Николай Второй...» — стал вспоминать Лёшка слова царского манифеста. Дядя Андрей засмеялся.

— Манифест, — сказал, — это значит что-то провозглашать. Царь провозглашал отречение от престола, а Маркс — новое общество, в котором не будет капиталистов, а всё будет принадлежать народу — рабочим и крестьянам. Это и есть социализм. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка. — Так он, как большевики, против буржуев.

— Правильно, — обрадовался дядя Андрей. — Ну, из тебя получится настоящий марксист.

— А про интернационал? — спросил Лёшка.

— Интернационал — это про то, чтобы рабочие и крестьяне всех стран боролись вместе.

— Это, как на фронте, братание.

— Правильно, — снова сказал дядя Андрей. — Национальности разные, а задачи общие: вместе против буржуев. А знаешь, что Маркс сказал про рабочих?

Лёшка опять замотал головой.

— Рабочие — это могильщики капитализма. Так кто могильщики капитализма? — переспросил Зотов.

— Рабочие.

— Верно. Ну, ты и вправду настоящий марксист.

На следующий день Лёшка поманил Пашку Мельника и спросил:

— Что такое социализм?

Пашка смотрел на Лёшку глуповатыми глазами и не знал, что ответить.

— Э-эх, — произнёс мальчик. — Не знаешь. А кто такой Маркс?

И снова Пашка моргал глазами.

— Ну, а кто такие могильщики капиталистов? — не отставал Лёшка.

— Это те, что могилы роют, — выпалил Пашка.

— Правильно, — сказал Лёшка. — Ну, а кто для буржуев рыть будет?

— Как — кто? Кого наймут, тот и будет.

— Ничего-то ты не знаешь, — опять проговорил Лёшка. — Рабочие будут рыть. Наши, путиловские.

Пашка недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Вот крест, — произнёс тот. — У дяди Андрея книга такая есть. Давай для генерала Дроздова могилу выроем, — предложил Лёшка.

Пашка прищурил глаза.

— Это чтобы с завода выгнал? — Перед директором Пашка трусил.

— Так теперь же рабочий контроль, — успокаивал Лёшка. — А потом всё равно рыть будут. Давай первыми.

Пашка наконец согласился. Достали лопаты. Стали спорить о месте. Выбрали за шрапнельным цехом, рядом с заводской свалкой.

Но тут про могилу узнал дядя Андрей.

— Ну, марксист, — усмехнулся он, глядя на Лёшку. — А говорил — понял. Да разве в вашу могилу капитализм упрячешь?!

— Так мы и ещё...

— Подожди. Не надо, — уже серьёзно сказал Зотов. — Вот поживёшь узнаешь, что значит быть могильщиком капитализма.

НАЧАЛОСЬ

В середине октября в Петрограде на тайной квартире состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков. Выступал Ленин. Владимир Ильич говорил, что за те месяцы, которые прошли после Февральской революции, народ окончательно убедился, что его обманули. Рабочие, крестьяне, солдаты не верят больше Временному правительству. Они готовы силой оружия прогнать капиталистов и помещиков и взять власть в свои руки. Ленин внёс предложение немедленно начать вооружённое восстание. Центральный Комитет принял предложение Ленина. Центром подготовки восстания стал Смольный, в помещении которого большевики организовали свой штаб.

И вот наступило утро 24 октября.

Лёшка пришёл на завод — и не узнал ни людей, ни завода. Завод хлопотал, словно горная река.

— Становись! Равняйся! — выстраивают командиры красногвардейские сотни: прибыл приказ вооружённым отрядам явиться к Смольному.

Красногвардейцы ушли. Ушёл и дядя Андрей со своим десятком.

— Пашка, — проговорил Лёшка. — Давай и мы к Смольному.

— Давай.

Бегут мальчишки по улицам, а рядом рабочие, солдаты, матросы. Кто с оружием, кто без оружия — все идут к Смольному. Тревожно, насторожённо разносится песня:

Вставай, проклятьем заклеимённый, Весь мир голодных и рабов! Кипит наш разум возмущённый И в смертный бой вести готов.

А вслед за этими словами грозно, призывно, во всю силу:

Никто не даст нам избавленья: Ни бог, ни царь и не герой. Добьёмся мы освобожденья Своею собственной рукой.

Бегут Лёшка и Пашка, замирают у мальчишек сердца, сжимаются в кулаки руки.

Примчались к Смольному — народу!

У входа поставлены пулемёты. Около здания — автомобили, мотоциклы, осёдланные лошади.

Здесь же, во дворе, раздают оружие. Горят костры. Толпятся, ожидая приказов, люди.

Ребята пытались пробраться в Смольный, но их не пустили.

— Да нам до своих, до путиловских, — полез было Пашка.

— Проваливай, — набросился на него дежурный солдат. — Нет здесь никаких путиловских. Были, да ушли.

— Куда ушли?

Солдат не знал.

Ребята попытались выяснить у других. Говорили, что ещё с утра путиловцы вместе с солдатами и красногвардейцами других районов ушли к Неве захватывать мосты.

Ребята помчались к Неве. Пока крутились у Смольного, свечерело.

Добрались к мостам в темноте. Глянули, а те уже в руках восставших. Всюду стоят революционные патрули.

Наконец у Дворцового моста ребята встретили одного из путиловских рабочих.

— Наши! — закричал Пашка.

Однако выяснилось, что рабочий оставлен здесь для охраны, а остальные ушли не то к Николаевскому, не то к Балтийскому вокзалу.

Ребята бросились к Николаевскому — он ближе. Угодили под самую стрельбу.

— Вы что здесь? — набросился на приятелей какой-то матрос.

— Нам дядю Андрея.

— Какого ещё дядю Андрея?

— Путиловца.

— Нет, тут не было путиловцев. Путиловцы на Балтийском.

Помчались к Балтийскому.

На перекрёстках больших улиц дежурят красногвардейцы. Темнота. Уличные фонари не светят. В районе Лермонтовского проспекта ребят окликнули:

— Стой! Кто идёт?

— Мы, — проговорил Пашка.

— Стой! Кто — мы? — Лязгнул затвор винтовки.

Ребята остановились.

— Бежим, — прошептал Пашка.

— Стой! — появилась высокая фигура с ружьём.

Человек оказался рабочим с фабрики «Скороход». Он сказал, что Балтийский вокзал уже занят революционными частями. Были здесь и путиловцы. А теперь ушли, но куда — он не знает.

Так и не разыскав путиловцев и дядю Андрея, ребята вернулись домой.

А революция шла полным ходом. К утру почти весь Петроград оказался в руках восставших. Были взяты почтамт, телеграф, телефонная станция, городская электростанция и другие важные здания города.

СЕКРЕТНОЕ, ВАЖНОЕ...

В эту ночь Зотов домой не вернулся. Не вернулся и утром.

Лёшка встал, умылся и помчался на завод. Но и здесь Зотова не оказалось. Встретил Пашку.

— Здорово.

— Здорово.

— Давай к Смольному.

— Давай.

Примчались к Смольному, разузнали новости. Революция побеждает. В руках у офицеров и юнкеров остался лишь Зимний дворец, в котором засело Временное правительство. На осаду дворца ушли солдаты и матросы, ушли и путиловцы. Бросились к Зимнему. Рядом с Дворцовой площадью под аркой Генерального штаба наконец разыскали Зотова. Слева матросы, справа солдаты Павловского полка, посередине путиловские красногвардейцы и дядя Андрей со своим десятком. Тут же Лёшкин учитель Авлов. Тут же и Зоя с санитарной сумкой через плечо.

— Подмога! Подмога! Ишь ты, ударный батальон, — увидев ребят, засмеялись рабочие.

— Вы откуда? — поразился дядя Андрей.

— Оттуда. — Лёшка показал рукой в сторону Смольного.

— Мы вчера вас весь вечер искали, — полез было Пашка, — к мостам бегали, на Николаевском были...

— На Николаевском?! — На лбу Зотова появилась суровая складка.

— Мы тоже хотим, — заявил Лёшка. — Нам бы винтовки...

Подошла Зоя. Стала бранить ребят. «Сейчас начнёт про грамматику и арифметику», — подумал Лёшка. Правда, про грамматику и арифметику на сей раз Зоя не вспомнила, однако заявила, чтобы ребята немедленно отправлялись домой. Старик Авлов грозно взглянул на приятелей и тоже сказал:

— Домой!

Но тут неожиданно дядя Андрей взял ребят под защиту.

— Зачем же домой?! — сказал. — Им и здесь дело найдётся. Найдётся? обратился он к Лёшке и Пашке.

Хороший дядя Андрей: понимает, что в этот день мальчишки не могут сидеть без дела, что и им вместе со всеми революцию делать хочется.

— Вот что, — сказал Зотов, — назначаю вас при себе посыльными. — Он вытащил из кармана кусок бумаги, что-то написал, свернул бумагу в пакетик, передал Лёшке. — Боевое задание. Секретное, — проговорил. — Важное. Бегите на завод, разыщите слесаря Терехова, знаете Терехова?

— Знаем.

— Отдайте бумагу и ждите его указаний. Ясно?

— Ясно.

Ребята помчались.

— Давай посмотрим, — предложил Пашка.

— Нельзя. Она же секретная.

— Так это для кого секретная. А нам можно.

— Нельзя, — решительно повторил Лёшка.

— Важное, должно быть, что-то, — не переставал думать о записке Пашка.

— А как же, — отвечал Лёшка. — Дядя Андрей по пустякам не пошлёт.

В цехе Терехова не оказалось. Бегают ребята, разыскивают Терехова, а завод словно воинская часть. Формируются новые отряды, создаются группы по доставке оружия и снарядов, снуют гружёные грузовики.

Наконец Терехов нашёлся. Развернул записку, а в ней сказано: «Николай, удержи ребят, не пускай в город».

— Что там? — не утерпел Пашка.

— Важное донесение. Срочное. Молодцы, — проговорил Терехов.

Пашка толкнул Лёшку в бок, подмигнул.

— Вот что, — произнёс Терехов, — есть у меня одно дело...

Ребята насторожились.

— Кому бы его поручить...

— Нам, — выпалил Пашка.

— Хорошо. Дрова колоть умеете?

— Умеем, — проговорил Лёшка.

Пашка смолчал, почуял недоброе.

— Вот и хорошо, — сказал Терехов. — Нам для походных кухонь помощники нужны. Работа ответственная, революционная...

— Революционная... — протянул Пашка.

Но Лёшка дёрнул приятеля за руку: «Соглашайся. С кухнями мы снова к своим поедем».

Однако ни с первой кухней, ни со второй, ни с третьей к Зимнему ребят не пустили.

— Ну что, поехали?! — набросился Пашка на Лёшку, но Лёшка уже и сам понял свой промах.

До темноты друзья пилили, кололи и таскали дрова. А когда стемнело совсем, со стороны Невы вдруг грянул одиночный пушечный выстрел. Приятели насторожились, переглянулись. И вдруг, словно их подхватил ветер, бросились к заводским воротам.

— Стойте! Стойте! — закричал Терехов.

Да где уж! Мальчишек словно и не было.

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Выстрел, который услышали Лёшка и Пашка, был знаменитый выстрел «Авроры». Это условный сигнал. Он означал, что получен приказ начать штурм Зимнего. Сотни рабочих, солдат и матросов бросились к затемнённой громаде дворца.

Когда приятели примчались на Дворцовую площадь, бой был в самом разгаре. Шла винтовочная стрельба, в нескольких местах нудно строчили пулемёты. Офицеры и юнкера, охранявшие Зимний дворец, пытались сдержать восставших.

На старом месте путиловцев не оказалось. Лёшка, подхваченный вихрем, забыв о Пашке, втёрся в ряды атакующих.

— Ты куда? — крикнул какой-то солдат. — Смерти захотел?

Лёшка ничего не ответил. Кто-то дёрнул мальчика за плечо, но он даже не повернул головы.

Вместе со всеми Лёшка бежал к высоким чугунным воротам, преграждавшим вход во дворец. Ворота были закрыты. Когда первые группы достигли дворца, наступление приостановилось. Люди навалились на металлические створки ворот, те не поддавались. Произошло замешательство. И вдруг Лёшка увидел дядю Андрея. Как тогда, на Знаменской площади, без фуражки, с перекосившимся от возбуждения лицом, с винтовкой в руке, Зотов стал карабкаться по металлическим прутьям ворот. Вот он достиг самого верха. Вот стал перелезать на ту сторону. Вот за дядей Андреем бросились и другие. И вдруг... Лёшка увидел, как Зотов качнулся, обмяк, разжал руки и повалился вниз.

— Дядя Андрей! Дядя Андрей! — закричал мальчик.

Люди с новой силой навалились на створки ворот. Не выдержав напора толпы, ворота дрогнули. Многопудовые створки их стали медленно расходиться.

Когда Лёшка поравнялся с воротами, он снова увидел дядю Андрея. Над Зотовым склонились путиловцы. Мальчику бросились в глаза очки старика Авлова, санитарная сумка Зои. Дядя Андрей лежал на земле, безжизненно отбросив в сторону правую руку. Рядом валялась винтовка.

— Дядя Андрей! — опять закричал Лёшка. Он бросился к Зотову.

Но чья-то сильная рука отстранила мальчика. Рабочие подняли дядю Андрея.

«Убит», — ворвалось в сознание мальчика. Он увидел полные слёз глаза Зои, угрюмые лица путиловцев...

На лбу Лёшки неожиданно появилась складка, брови сошлись, глаза сузились. Вот он увидел валявшуюся на земле винтовку дяди Андрея. Мальчик нагнулся, схватил винтовку и бросился со всех ног в раскрытые двери дворца.

Вить! — свистнула у самого Лёшкиного уха пуля.

Та-та-та! — прошла над головой пулемётная очередь.

Мальчик вскинул винтовку и устремился в самую гущу боя.

КЕМ ТЫ БУДЕШЬ?

Два часа продолжался бой у Зимнего дворца. Наконец революционные отряды подступили к комнате, в которой находились министры Временного правительства.

За столом сидело несколько перепуганных человек. Это и было последнее правительство России из капиталистов и помещиков. Именем революции оно было свергнуто. Великая Октябрьская социалистическая революция победила. Трудовой народ взял власть в свои руки.

Разгорячённый недавним боем, Лёшка вышел на улицу. Рядом с дворцом ещё толпились группы матросов, солдат и рабочих. Люди с удивлением смотрели на мальчика с винтовкой на плече. Лёшка шёл и думал о дяде Андрее. «Народ — великан.

Народу любые дела под силу, — вспоминал он слова Зотова. — Такую, брат, жизнь на земле наладим...»

— Лёшка, — вдруг услышал мальчик знакомый голос. Обернулся — Пашка. Ты где пропал? — набросился Пашка. — Зоя искала. Авлов искал. Из-за тебя тут такое было.

Лёшка ничего не ответил. Шли молча. Пересекли Дворцовую площадь. Прошли под аркой Генерального штаба. Вышли на Невский.

«Хочешь — стань машинистом, — вспоминал Лёшка слова дяди Андрея, — не нравятся паровозы — будь морским капитаном, не устраивает море — иди в шахтёры, учись на доктора или учителя...»

— Паш, — обратился Лёшка к приятелю, — а кем ты будешь, когда вырастешь?

— Командиром, — выпалил Пашка. — А ты?

Лёшка ответил не сразу.

— Я? — переспросил. — Я — как дядя Андрей.

— Токарем?

— Большевиком.

Пашка присвистнул.

— Да кто же тебя возьмёт?!

— Возьмут, — убеждённо проговорил Лёшка. — Вот увидишь, возьмут. Я, как дядя Андрей, за дело рабочих и крестьян.

